Цѣна 7 коп.

ДНЕВНИКЪ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

С.-Петербургъ, книжный магазинъ „ТРУДЪ“, Невскій, 60.
Книжный магаз. „Знаніе—сила“, Троицкая ул., 27.

Москва, книжный маг. „ТРУДЪ“, Тверская ул., д. Бахрушина.

№ 2. Августъ 1905 г. **№ 2.**

Содержаніе: Патріотизмъ и соціализмъ. — Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. (Письмо въ редакцію газеты „Пролетарій“). — Враждующіе между собою братья. — Мелкія замѣтки: 1) г. П. С. и „крайнія партіи“. 2) Восьмичасовой рабочій день въ англійскихъ государственныхъ мастерскихъ.

Дневникъ соціальдемократа

Г. В. Плеханова.

Патріотизмъ и соціализмъ.

Выпуская первый номеръ своего „*Дневника*“, я предупредилъ читателей, что я буду разсматривать въ немъ, между прочимъ, и тѣ вопросы и явленія, которые имѣютъ интересъ не только для насъ, россійскихъ соціальдемократовъ, но и для соціальдемократовъ всего міра. Къ числу вопросовъ этого рода, несомнѣнно, относится вопросъ объ отношеніи патріотизма къ соціализму, выдвинутый извѣстнымъ рѣзкимъ и отчасти парадоксальнымъ заявленіемъ французскаго соціалиста Эрве. Редакція журнала „La vie socialiste“ предприняла по его поводу цѣлую „анкету“, т. е. обратилась къ соціалистамъ разныхъ странъ съ просьбой написать, что они думаютъ объ этомъ предметѣ. Въ числѣ другихъ, получилъ такое приглашеніе и я. Мой отвѣтъ заключается въ нижеслѣдующемъ письмѣ въ редакцію вышеназваннаго журнала.

Дорогіе товарищи!

Только теперь у меня нашелся нѣкоторый досугъ, позволяющій мнѣ отвѣтить на Ваши вопросы. Это довольно поздно. Но лучше поздно, чѣмъ никогда. Ваши вопросы гласятъ такъ:

1) Что думаете вы о томъ мѣстѣ „Манифеста коммунистической партіи“, въ которомъ сказано, что рабочіе не имѣютъ отечества?

2) Къ какимъ дѣйствіямъ, къ какой формѣ пропаганды обязываетъ соціалистовъ интернаціонализмъ въ виду милитаризма, „колоніализма“ и ихъ причинъ и послѣдствій?

3) Какую роль должны играть соціалисты въ международныхъ сношеніяхъ (таможенные тарифы, международное рабочее законодательство и т. д.)?

4) Какова обязанность соціалистовъ въ случаѣ войны?

Я начинаю,—какъ и слѣдуетъ,—съ начала.

Нѣкоторые думаютъ, что указанныя вами строки коммунистическаго манифеста выражаютъ собою скорѣе негодованіе Маркса и Энгельса на тяжелое положеніе пролетаріата въ капиталистическомъ обществѣ, чѣмъ истинный взглядъ ихъ на отношеніе соціализма къ патріотизму. Такъ напримѣръ, Жоресъ въ своемъ спорѣ съ Эрве назвалъ эти строки пессимистической бутадой, которая отчасти,—замѣтьте, товарищи, *только* отчасти,—объясняется обстоятельствами того времени, когда былъ написанъ коммунистическій манифестъ, и когда экономическій кризисъ достигъ до своей высшей точки, а рабочіе лишены были элементарныхъ правъ человѣка. Почти того же мнѣнія держится и Э. Бернштейнъ. По его словамъ, интересующая насъ „теза“ можетъ быть „оправдана“ тѣмъ, что когда Марксъ и Энгельсъ писали свой знаменитый манифестъ, „рабочіе вездѣ лишены были права голоса, т. е. всякаго участія въ администраціи!“

Я не могу согласиться ни съ Жоресомъ, ни съ Бернштейномъ.

Если бы они были правы, то выходило бы, что теперь, когда пролетаріатъ передовыхъ капиталистическихъ странъ уже имѣетъ большую часть тѣхъ политическихъ правъ, которыхъ недоставало ему наканунѣ революціоннаго движенія 1848 г.; теперь, когда даже русскій пролетаріатъ не далекъ отъ пріобрѣтенія правъ гражданина, предѣлы соціалистическаго интернаціонализма должны быть сужены въ пользу патріотизма. Но это значило бы, что *интернаціонализмъ долженъ отступать по мѣрѣ успѣховъ интернаціональнаго рабочаго движенія*. Мнѣ кажется, что дѣло происходитъ какъ разъ наоборотъ, что интернаціонализмъ все глубже проникаетъ въ сердца пролетаріевъ, и что теперь его вліяніе на нихъ сильнѣе, чѣмъ это было въ эпоху появленія „Манифеста коммунистической партіи“. Мнѣ кажется, что „теза“ Маркса и Энгельса нуждается не въ *оправданіи*, а только въ *правильномъ истолкованіи*.

Слова: „рабочіе не имѣютъ отечества“ написаны были въ отвѣтъ идеологамъ буржуазіи, обвинявшимъ коммунистовъ въ томъ, что тѣ хотятъ „уничтожить отечество“. Ясно, стало быть, что у авторовъ манифеста рѣчь шла объ „*отечествѣ*“, понимаемомъ въ совершенно опредѣленномъ смыслѣ, т. е. въ томъ смыслѣ, который придавали этому понятію буржуазные идеологи. Манифестъ объявилъ, что *такого* отечества рабочіе не имѣютъ. Это было справедливо въ то время; это останется справедливымъ теперь, когда пролетаріатъ передовыхъ странъ пользуется извѣстными, болѣе или менѣе широкими, болѣе или менѣе прочными политическими правами; это останется справедливымъ и на будущее время, какъ бы ни были велики тѣ политическія завоеванія, которыя еще предстоитъ сдѣлать рабочему классу.

Въ самомъ дѣлѣ, вы не забыли, надѣюсь, товарищи, какъ изобразилъ Жоресъ въ залѣ Элизэ-Монмартръ патріотизмъ того счастливаго будущаго, когда коммунизмъ сдѣлается господствующимъ способомъ производства. Тогда „отечества“ будутъ существовать лишь какъ представители

оригинальныхъ духовныхъ чертъ, свойственныхъ „различнымъ народамъ“. „Какъ индивидуумы съ ихъ характерными чертами, съ ихъ разнообразіемъ не растворятся въ соціалистической организаціи, но удержатъ и утвердятъ въ самыхъ гармоничныхъ формахъ оригинальность своей природы, точно также и историческія индивидуальности, называемыя отечествами: англійское отечество, нѣмецкое отечество, французское отечество, итальянское отечество, русское отечество, китайское отечество,—когда желтая раса освободится отъ гнетущей опеки бѣлыхъ... всѣ эти отечества, съ ихъ нравственной индивидуальностью, созданной исторіей, съ ихъ языкомъ, съ ихъ литературой, съ ихъ понятіемъ о жизни, съ ихъ воспоминаніями, съ особенной формой ихъ надеждъ, съ особымъ складомъ ихъ страстей, ихъ души, ихъ генія,—всѣ эти индивидуальности составятъ великое коммунистическое человѣчество завтрашняго дня“. Эта тирада не безупречна съ логической точки зрѣнія: *индивидуумъ есть біологическая категорія; національность есть категорія историческая*. Поэтому эти два понятія несоизмѣримы. Но это мимоходомъ. Главное же для меня состоитъ здѣсь въ томъ, что „отечества“ будущаго, какъ намъ изобразилъ ихъ Жоресъ, *совсѣмъ не похожи* на то „отечество“, которое имѣли въ виду буржуазные публицисты, нападавшіе на коммунистовъ, и о которомъ говорили Марксъ и Энгельсъ, возражая этимъ публицистамъ. Многочисленныя и разноцвѣтныя „отечества“ будущаго являются въ изображеніи Жореса ничѣмъ инымъ, какъ *народностями*. Если бы авторы коммунистическаго манифеста сказали, что рабочіе не принадлежатъ ни къ какимъ народностямъ, то это было бы не „пессимистической бутадой“, а просто смѣшною нелѣпостью. Но они говорили не о народностяхъ, а объ отечествѣ и вдобавокъ, не о томъ отечествѣ, которое *будетъ существовать*, по мнѣнію Жореса, въ счастливомъ царствѣ коммунизма, а о томъ, которое существуетъ теперь, при гнетущемъ господствѣ капиталистическаго способа производства. А *это* отечество имѣетъ, какъ я сказалъ, черты, дѣлающія его очень мало похожимъ на тѣ будущія „отечества“, о которыхъ говорилъ Жоресъ со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ. Какія же это черты? Ихъ указалъ самъ Жоресъ.

По его словамъ, послѣ „окончательной и полной соціальной революціи“ (la Révolution sociale complète et definitive) отечества *перестанутъ существовать*, „какъ сила недовѣрія, исключительности, взаимнаго угнетенія“. Стало быть, въ настоящее время, въ царствѣ *капитализма*, „отечества“ служатъ не только выраженіемъ духовныхъ особенностей различныхъ народовъ, но также—и болѣе всего—*выраженіемъ національной исключительности, взаимнаго недовѣрія между народами и угнетенія одного народа другимъ*. Каково должно быть отношеніе сознательнаго пролетарія къ *этому*, *къ буржуазному* отечеству?

Манифестъ коммунистической партіи говоритъ, что у пролетарія нѣтъ *такого* отечества. Развѣ же его авторы не правы?

Ихъ отвѣтъ не только не представляетъ собою „пессимистической бутады“; онъ не только не нуждается въ „оправданіи“, но долженъ быть положенъ въ основу всей международной политики соціалистическаго пролетаріата.

Марксъ сказалъ, какъ извѣстно, что германскій пролетаріатъ есть наслѣдникъ германской классической философіи. Жоресъ восклицаетъ:

„Нѣтъ, Кантъ со своей автономіей, Фихте со своей гордостью абсолютнаго сознанія, Гегель со своей революціонной діалектикой могли быть поняты и представлены только такимъ рабочимъ классомъ, они могли воплотиться только въ этомъ революціонномъ классѣ пролетаріевъ, которые хотятъ освободить всѣ воли, оставить природу во власти одного только закона сознанія и открыть вѣчной діалектикѣ новые горизонты безконечной человѣческой революціи".

Я не знаю, что значитъ оставить природу во власти одного только нравственнаго закона и опасаюсь, что революціонному пролетаріату никогда не удастся рѣшить эту головоломную задачу; тѣмъ не менѣе, я все-таки готовъ рукоплескать краснорѣчію товарища Жореса. Но я не понимаю, въ какомъ смыслѣ это краснорѣчивое мѣсто его рѣчи могло бы поколебать ту мысль Маркса и Энгельса, что пролетаріатъ не имѣетъ отечества.

Жоресъ продолжаетъ: „Въ этомъ заключается отвѣтъ тѣмъ, которые говорятъ рабочему классу, что онъ можетъ не интересоваться вещами, относящимися къ отечеству, всей національной традиціей". Это опять удивляетъ меня. Марксъ и Энгельсъ никогда не говорили рабочимъ, что они „могутъ не интересоваться вещами, относящимися къ отечеству". Но интересоваться этими „вещами" не значитъ быть *патріотомъ*. Политическая власть, классовая диктатура, является, безъ всякаго сомнѣнія. „вещью", имѣющею очень близкое отношеніе къ „отечеству", а между тѣмъ авторы манифеста всегда указывали пролетаріату на необходимость ея завоеванія. И напрасно думаетъ Жоресъ, что отрицательное отношеніе къ идеѣ отечества тождественно съ равнодушіемъ къ культурнымъ пріобрѣтеніямъ народа. Именно успѣхи культуры и приводятъ людей къ пониманію узкости этой идеи.

Жоресъ упрекалъ Эрве въ софистикѣ. Въ данномъ случаѣ Эрве имѣлъ бы право вернуть ему этотъ упрекъ и сказать, что его доводъ напоминаетъ софизмъ, къ которому прибѣгаютъ буржуазные экономисты, утверждающіе, что *уничтоженіе капитала* было бы равносильно уничтоженію *средствъ производства*. Капиталъ, это — одно, а средства производства — совсѣмъ другое. Точно также, иное дѣло культурныя завоеванія даннаго народа, его цивилизація, а иное дѣло „отечество". Необходимымъ условіемъ существованія капитализма служитъ отсутствіе средствъ производства у огромнѣйшей части населенія. Подобно этому необходимымъ психологическимъ условіемъ любви къ *своему отечеству* является то неуваженіе къ правамъ *чужихъ отечествъ*, которое самъ Жоресъ называетъ *духомъ исключительности*. И если революціонный пролетаріатъ въ самомъ дѣлѣ долженъ „освободить всѣ воли", то уже по одному этому онъ долженъ *подняться выше идеи отечества*.

Жоресъ указываетъ на знаменитаго публициста времени реставраціи Армана Карреля, имѣвшаго мужество пойти противъ своей собственной страны, когда она начала несправедливую войну съ Испаніей. Къ этому можно прибавить, что во время польской революціи 1863 нѣкоторые русскіе офицеры, не желая быть палачами сосѣдняго народа, боровшагося за свою свободу, перешли въ ряды польскихъ „повстанцевъ". Я считаю эти подвиги геройскими, дѣлающими честь французскому и русскому народамъ. Но *съ точки зрѣнія патріотизма эти подвиги являются позорнѣйшимъ преступленіемъ: національной измѣной*.

При всемъ краснорѣчіи Жореса, ему только потому удается сдѣлать

свою „тезу" до нѣкоторой степени пріемлемой, что у него одна идея не отграничена отъ другой: идея *отечества, какъ оно есть,* смѣшивается съ идеей *отечества, какъ оно, по его мнѣнію, должно быть и будетъ*. Такимъ путемъ можно доказать рѣшительно все, что угодно. Но такое смѣшеніе понятій ни мало не способствуетъ выясненію вопроса.

Повторяю, отечество есть категорія историческая, т. е. преходящая по своему существу. Какъ идея *племени* смѣнилась идеей *отечества*, сначала ограниченнаго предѣлами *городской общины*, а потомъ расширившейся до нынѣшнихъ *національныхъ* предѣловъ, такъ идея *отечества* должна отступить передъ несравненно болѣе широкой идеей *человѣчества*. За это ручается та самая сила, благодаря которой образовалась и видоизмѣнялась патріотическая идея: *сила экономическаго развитія*.

Идея отечества связываетъ людей одной страны тѣснѣйшими узами солидарности во всемъ, что касается интересовъ этой страны въ ихъ противоположности съ интересами другихъ странъ. Герой одного изъ романовъ Тургенева, болгаринъ Инсаровъ, говоритъ: „Въ Болгаріи послѣдній мужикъ, послѣдній нищій и я — мы желаемъ одного и того же, у всѣхъ одна цѣль", т. е. цѣль завоеванія болгарской независимости. Такая цѣль заслуживаетъ, конечно, всякой симпатіи со стороны класса, стремящагося къ „освобожденію всѣхъ воль". Но надо помнить, что турецкіе патріоты, въ свою очередь, должны были не менѣе единодушно, — забывая всѣ классовыя различія, — стремиться къ противоположной цѣли, т. е. *поддержанію турецкаго господства въ Болгаріи*. Во время возстанія 1897 г. на островѣ Критѣ младо-турки, издававшіе въ Женевѣ журналъ „Osmanlis", писали, что Критъ принадлежитъ Турціи по праву завоеванія. Это было патріотическое сужденіе въ его чистомъ, не софистицированномъ видѣ.

Но этотъ чистый патріотизмъ возможенъ только при двухъ условіяхъ. Онъ предполагаетъ, во-первыхъ, неразвитое состояніе борьбы классовъ, а во-вторыхъ, отсутствіе большого, бросающагося въ глаза сходства въ положеніи угнетенныхъ классовъ двухъ или нѣсколькихъ „отечествъ". Гдѣ борьба классовъ принимаетъ острый, революціонный характеръ, расшатывая старыя, унаслѣдованныя отъ прежнихъ поколѣній понятія, и гдѣ, кромѣ того, угнетенный классъ легко можетъ убѣдиться въ томъ, что его интересы очень сходны съ интересами угнетеннаго класса чужихъ странъ и противоположны интересамъ господствующаго класса его собственной страны, тамъ *идея отечества* въ весьма значительной степени утрачиваетъ свое прежнее обаяніе. Это показываетъ намъ уже древняя Греція, гдѣ низшіе классы гражданъ чувствовали себя болѣе солидарными съ низшими классами гражданъ другихъ государствъ, чѣмъ съ высшими классами своего государства-города. Пелопонезская война, эта война между демократіей и аристократіей, охватившая большую часть тогдашняго греческаго міра, можетъ служить этому яркимъ подтвержденіемъ. Въ новое время нѣчто подобное видимъ мы, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, въ нѣкоторыхъ международныхъ столкновеніяхъ, вызванныхъ великой французской революціей конца XVIII-го вѣка. На эти явленія необходимо долженъ обратить вниманіе всякій тотъ, кто хочетъ серьезно выяснить себѣ историческое значеніе патріотической идеи. Но какъ ни важны эти явленія, они представляются незначительными въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ въ современномъ освободительномъ движеніи пролетаріата.

Капитализмъ, который по самому характеру своему долженъ стремиться выйти за предѣлы всякаго даннаго „отечества“ и проникнуть въ каждую страну, захватываемую международнымъ обмѣномъ, служитъ могучимъ экономическимъ фактомъ, расшатывающимъ и разлагающимъ ту самую идею отечества, которая, — въ *своемъ новѣйшемъ видѣ*, — имъ же вызвана была нѣкогда къ жизни. Отношенія между эксплуататорами и эксплуатируемыми, — несмотря на многочисленныя и часто очень важныя мѣстныя различія, — по своему *существу* одинаковы во всѣхъ капиталистическихъ странахъ. Поэтому сознательный *пролетарій* всякой данной капиталистической страны чувствуетъ себя несравненно ближе къ пролетарію всякой другой капиталистической страны, чѣмъ къ своему соотечественнику—*капиталисту*. А такъ какъ, по условіямъ современнаго мірового хозяйства, соціалистическая революція, которая положитъ конецъ господству капитала, должна быть *международной*, то въ умахъ сознательныхъ рабочихъ идея *отечества*,—объединяющаго въ одно солидарное и полное „исключительности“ цѣлое всѣ классы общества, — по необходимости, должна уступить мѣсто безконечно болѣе широкой идеѣ солидарности революціоннаго человѣчества, т. е. „*пролетаріевъ всѣхъ странъ*“. И чѣмъ шире дѣлается могучая рѣка современнаго рабочаго движенія, тѣмъ дальше отступаетъ психологія *патріотизма* передъ психологіей *интернаціонализма*.

До тѣхъ поръ, пока классовая борьба еще не расшатала въ Греціи патріотизма городскихъ общинъ, аѳинскій гражданинъ видѣлъ въ гражданахъ Спарты чужестранцевъ, которыхъ можно было эксплуатировать такъ или иначе, — напримѣръ, путемъ торговли или временныхъ политическихъ союзовъ,—но интересы которыхъ не могли быть ему близкими и дорогими. Современный аѳинскій уроженецъ, стоящій на точкѣ зрѣнія *современнаго* патріотизма, смотритъ на Лакедемонъ, какъ на часть своего отечества, интересы котораго одинаково дороги ему *на всемъ его протяженіи*. Это значитъ, что современный греческій патріотъ уже чуждъ того рода „исключительности“, который былъ свойственъ патріотизму городскихъ общинъ. Но это совсѣмъ не значитъ, что онъ враждебенъ „вещамъ“ своего родного города или хотя бы только равнодушенъ къ нимъ. Нѣтъ, его патріотизмъ вполнѣ совмѣстимъ съ самымъ ревностнымъ, самымъ неутомимымъ служеніемъ „вещамъ“ своего родного города. Этотъ патріотизмъ не допускаетъ только эксплуатаціи въ пользу этого города другихъ частей того же отечества. Для такого человѣка salus patriae—suprema lex. Точно также и современный соціалистическій интернаціонализмъ вполнѣ совмѣстимъ съ самой усердной, самой неутомимой работой на благо родной страны; но онъ совершенно несовмѣстимъ съ готовностью поддерживать родную страну тамъ, гдѣ ея *интересы приходятъ въ противорѣчіе съ интересами революціоннаго человѣчества, т. е. современнаго международнаго движенія пролетаріата, т. е. прогресса*. Интересы этого движенія представляютъ собою ту высшую точку зрѣнія, съ которой современный соціалистъ, не желающій измѣнить своимъ взглядамъ, долженъ оцѣнивать всѣ международныя отношенія какъ тамъ, гдѣ ими выдвигаются вопросы *войны и мира*, такъ и тамъ, гдѣ рѣчь заходитъ *о коммерческой политикѣ вообще и о „колоніализмѣ“ въ частности*. Для такого соціалиста salus revolutiae—suprema lex.

Я прекрасно понимаю, что въ этихъ словахъ заключается лишь общая формула, не содержащая въ себѣ готоваго отвѣта для каждаго

частнаго случая. Но, по прекрасному выраженію Маркса, наша теорія вовсе не есть passe-partout, избавляющій насъ отъ необходимости внимательно изучать отдѣльныя общественныя явленія. Современная соціалистическая теорія, это—*алгебра революціи*, могущая дать намъ только *алгебраическія* формулы. Чтобы руководиться этими формулами на практикѣ, мы должны умѣть замѣнять въ нихъ *алгебраическіе* знаки опредѣленными *ариѳметическими* величинами, а для этого необходимо принять въ соображеніе всѣ частныя условія каждаго частнаго случая. Только при такомъ пользованіи этими формулами онѣ сохранятъ свой живой, діалектическій характеръ и не превратятся въ мертвыя метафизическія догмы...

Характеръ мертвой догмы имѣетъ, напримѣръ, то мнѣніе, что соціалисты должны быть противъ *всякой* войны. Еще нашъ Чернышевскій писалъ, что такіе абсолютные приговоры несостоятельны, и утверждалъ, что Мараѳонская битва была благодѣтельнѣйшимъ событіемъ въ исторіи человѣчества. Не менѣе догматично и то мнѣніе, что мы, соціалисты, можемъ сочувствовать только *оборонительнымъ* войнамъ. Такое мнѣніе правильно лишь съ точки зрѣнія *консервативнаго* suum cuique, а международный пролетаріатъ, послѣдовательно держась своей точки зрѣнія, долженъ сочувственно отнестись ко всякой войнѣ,—оборонительной или наступательной, это все равно,—которая обѣщаетъ устранить какое нибудь важное препятствіе съ пути соціальной революціи.

Несомнѣнно, однако, что въ настоящее время войны между цивилизованными народами во многихъ отношеніяхъ очень сильно вредятъ освободительному движенію рабочаго класса. Вотъ почему сознательные элементы этого класса являются самыми рѣшительными и надежными сторонниками мира [1]).

На вопросъ о томъ, какъ должны вести себя пролетаріи тѣхъ странъ, которыя вступаютъ между собою въ войну, тоже нельзя дать одинъ неизмѣнный, разъ навсегда изготовленный отвѣтъ. Этотъ вопросъ поднимался, какъ извѣстно, еще на цюрихскомъ международномъ съѣздѣ 1893 года. Домела Ньевенгайсъ выступилъ тогда съ тѣмъ предложеніемъ, которое дѣлаетъ теперь Эрве: онъ утверждалъ, что отвѣтомъ на объявленіе войны должна быть *военная стачка*. Въ качествѣ докладчика военной коммиссіи я рѣшительно выступилъ противъ этого предложенія, и меня энергично поддержали тогда марксисты всѣхъ странъ къ великому негодованію различныхъ, въ изобиліи присутствовавшихъ на томъ съѣздѣ, полуанархическихъ и полубуржуазныхъ элементовъ. Я и теперь думаю, что идея военной стачки—весьма неудачная идея. Вообразите, что начинается война между двумя странами, въ одной изъ которыхъ существуетъ вліятельная рабочая партія, а въ другой,—очень отсталой,—рабочее движеніе едва-едва начинается. Что выйдетъ, если соціалисты призовутъ пролетаріевъ къ военной стачкѣ, и если пролетаріи не останутся глухи къ ихъ призыву? Это легко предвидѣть. Передовая страна будетъ побѣждена. Отсталое государство восторжествуетъ! Выгодно ли это для международнаго соціалистическаго движенія? Нѣтъ, очень вредно. Стало быть, вредна была бы въ этомъ случаѣ и военная стачка.

Но Эрве думаетъ, повидимому, что военная стачка была бы умѣстна

---

[1]) Несомнѣнно и то, что колоніальная практика буржуазныхъ „отечествъ“ уже доставила международному пролетаріату достаточно данныхъ для рѣшительнаго ея осужденія. По этому поводу достаточно напомнить рѣшенія послѣднихъ международныхъ съѣздовъ.

только въ случаѣ военнаго столкновенія между двумя такими странами, въ каждой изъ которыхъ существуетъ значительно развитое рабочее движеніе. Въ этомъ случаѣ она, конечно, не имѣла бы указаннаго мною неудобства; но здѣсь противъ нея поднимается другое возраженіе.

Самъ Эрве признаетъ, что военная стачка имѣетъ смыслъ только въ качествѣ перваго шага рабочей революціи. И это вѣрно. Но вѣдь революціонный пролетаріатъ всегда и даже независимо отъ войны долженъ стремиться къ революціи. Почему же онъ не дѣлаетъ ея, положимъ, въ настоящую минуту? Очевидно потому, что онъ еще недостаточно для этого силенъ. Но если это такъ, то спорный вопросъ сводится, стало быть, къ другому вопросу: къ вопросу о томъ, дастъ ли объявленіе войны пролетаріату силу, необходимую для революціи? А на этотъ послѣдній вопросъ, разумѣется, нельзя отвѣтить съ помощью стереотипной формулы, годной для всѣхъ странъ и для всякаго даннаго времени. И уже по одному этому военная стачка не можетъ быть принята международнымъ пролетаріатомъ въ качествѣ общаго тактическаго рецепта. И, конечно, международный пролетаріатъ такого рецепта никогда себѣ не пропишетъ.

Если организованная рабочая партія какой нибудь страны въ моментъ объявленія войны найдетъ, что часъ соціальной революціи пробилъ, то,—*въ числѣ другихъ средствъ достиженія своей великой цѣли*,—она можетъ прибѣгнуть и къ военной стачкѣ. Но тогда „теза“ такой стачки должна будетъ подвергнуться всестороннему обсужденію на основаніи всѣхъ условій времени и мѣста. Принимать-же ее напередъ было бы по меньшей мѣрѣ рискованно.

Резюмируя свой взглядъ на этотъ предметъ, я скажу, что рѣшеніе международнаго брюссельскаго съѣзда 1891 года до сихъ поръ сохранило весь свой глубокій смыслъ. Лучшимъ средствомъ борьбы съ милитаризмомъ нужно признать не тотъ или другой возможный,—или предполагаемый таковымъ,—актъ рабочаго класса, а *всю совокупность успѣховъ освободительнаго движенія пролетаріата*. Наша борьба съ милитаризмомъ вообще не можетъ быть пріуроченакъ отдѣльному дѣйствію. Это цѣлый процессъ.

На вашъ вопросъ о рабочемъ законодательствѣ можно, я думаю, отвѣтить очень кратко. Никто изъ насъ, международныхъ соціалистовъ, не сомнѣвается въ томъ, что это законодательство должно быть *международнымъ*. Сомнѣніе возможно лишь тогда, когда заходитъ рѣчь о той конкурренціи, которую менѣе требовательные пролетаріи отсталыхъ странъ дѣлаютъ, при продажѣ своей рабочей силы, болѣе требовательнымъ пролетаріямъ передовыхъ странъ. Нѣкоторые наши товарищи приходили по этому поводу къ мысли о *запретительномъ законодательствѣ*. Я нахожу эту мысль противорѣчащей принципамъ международнаго соціализма. По моему твердому убѣжденію, мы должны держаться другого метода борьбы съ указанной конкурренціей. *Революціонный пролетаріатъ передовыхъ странъ долженъ стараться пробудить классовое сознаніе въ умахъ своихъ конкуррентовъ, приходящихъ изъ отсталыхъ странъ, и организовать ихъ для совмѣстной борьбы съ капиталомъ, а не обороняться отъ нихъ съ помощью пограничной стражи.*

Вотъ что я могу, товарищи, отвѣтить Вамъ на Ваши вопросы. Простите, если я слишкомъ долго занималъ Ваше вниманіе.

Преданный Вамъ

Г. Плехановъ.

Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.

(Письмо въ редакцію газеты „Пролетарій“.)

Уважаемые товарищи!

Вы недовольны мною. Вамъ не понравилась „историческая справка“, сдѣланная мною въ № 96 бывшаго центральнаго органа нашей партіи, и вашъ фельетонистъ „раздѣлалъ“ меня за нее, — какъ говоритъ купецъ у Г. И. Успенскаго,—*подъ орѣхъ*. У него вышло, что я въ полемикѣ съ вами прибѣгалъ къ самымъ непозволительнымъ пріемамъ: что я „подсовывалъ“, и „подтасовывалъ“ и т. п. Дальше этого идти некуда: я оказываюсь у него чѣмъ-то въ родѣ литературнаго шулера. При столь *строгомъ* его отношеніи ко мнѣ вы, естественно, должны ожидать, что и мнѣ, — по выраженію вышеупомянутаго купца,—вступитъ въ кулакъ *желѣзное расположеніе духа*; что и я, подобно вашему фельетонисту, стану употреблять, въ своемъ отвѣтѣ, столь же энергичныя выраженія. Но я не сдѣлаю этого; не сдѣлаю по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что если я въ своей полемикѣ никогда не останавливался передъ *рѣзкостью сужденія*, то я всегда избѣгалъ *грубости выраженій*, находя что такая грубость недостойна людей, обладающихъ хоть нѣкоторой долей *литературнаго вкуса*; во вторыхъ, потому, что я вообще „непамятозлобенъ“, подобно гоголевскому городничему; въ-третьихъ, потому, что на вашего фельетониста въ частности и на васъ вообще трудно разсердиться за ваши *строгія*,— чтобы не выразиться иначе, — выраженія: они уже ни на кого и „не дѣйствуютъ“, такъ какъ вы уже слишкомъ часто прибѣгаете къ нимъ, въ изобиліи осыпая ими всѣхъ тѣхъ, которые въ чемъ-нибудь несогласны съ вами; въ четвертыхъ, потому, что я все-таки смотрю на васъ, какъ на товарищей, хотя и думаю, что ваши разсужденія и вашъ образъ дѣйствій во многомъ вредятъ интересамъ нашей партіи. Наконецъ, въ пятыхъ, потому, что и *не стоитъ мнѣ сердиться на васъ... за вашу строгость*: смѣю думать, что даже въ рядахъ тѣхъ соціальдемократовъ, которые идутъ теперь за вами, немного найдется людей, способныхъ заподозрить меня въ литературномъ шулерствѣ. Въ виду всего этого, я, не отвѣчая вамъ *строгостью* на *строгость*, ограничусь спокойнымъ разсмотрѣніемъ спорныхъ вопросовъ, вызвавшихъ разногласіе между нами и, какъ это по всему видно, очень интересующихъ теперь нашихъ читателей.

Я начну съ нѣкоторыхъ частностей, чтобы поскорѣе покончить съ ними и устранить ихъ съ нашего поля зрѣнія.

Въ своей „справкѣ“ я выразилъ искреннее пожеланіе того, чтобы вамъ помогли ваши Махи и Авенаріусы. Вы замѣчаете по этому поводу: „Должно быть, плоха позиція Плеханова, если онъ не можетъ найти себѣ мишени изъ дѣйствительныхъ утвержденій „Впередъ“ и долженъ выдумывать мишень изъ сюжетовъ, совершенно постороннихъ и газетѣ „Впередъ“ (!) и разсматриваемому вопросу“. Здѣсь между нами, кажется, нѣкоторое недоразумѣніе. Я вполнѣ готовъ согласиться съ тѣмъ, что „сюжеты“, подобные Маху и Авенаріусу, были „посторонними“ для *газеты* „Впередъ“. Но я думалъ и думаю, что „сюжеты“ сіи не были посторонними для мно-

гихъ *лицъ, писавшихъ въ этой строгой газетѣ* и пишущихъ теперь въ „Пролетаріи“. Что же, вы скажете, что это не вѣрно? Вы не скажете этого. Кто изъ товарищей, хоть немного освѣдомленныхъ о положеніи дѣлъ въ нашей партіи, не знаетъ, что въ литературную группу, работавшую въ газетѣ „Впередъ“, а теперь работающую въ „Пролетаріи“, вошло нѣсколько такихъ людей, для которыхъ Махъ и Авенаріусъ совсѣмъ не чуждые „сюжеты“? Я предположилъ, что казавшіяся мнѣ ошибочными разсужденія о „революціонной диктатурѣ“ поддерживались и будутъ поддерживаться этими людьми, такъ значительно отклонившимися отъ марксизма въ самой его основѣ, и я пожелалъ, чтобы этимъ людямъ, въ ихъ дальнѣйшихъ отступленіяхъ отъ теоріи научнаго соціализма, помогли дорогіе для нихъ мыслители. Другими словами, я пожелалъ имъ быть послѣдовательными. Спрашивается, какимъ же образомъ это доброе пожеланіе могло явиться хотя бы косвеннымъ доказательствомъ слабости моей позиціи? Непонятно!

Я прекрасно знаю, что литературная группа „Впередъ“ состояла *не изъ однихъ только „критиковъ* Маркса“. Мнѣ очень хорошо извѣстно, что въ центрѣ этой группы стоялъ Ленинъ, для котораго Махъ и Авенаріусъ въ самомъ дѣлѣ — чуждые „сюжеты“. Но вѣдь для него чужды и всѣ прочіе философскіе „сюжеты“, ибо по части философіи онъ всегда былъ совершенно беззаботенъ. Стало быть, его въ этомъ отношеніи и считать нечего. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, — какъ знать? — можетъ быть, и самъ марксистъ Ленинъ началъ понемногу поддаваться вліянію окружающихъ его *махистовъ*. Что касается до меня, то признаюсь, что я, — по французской пословицѣ: ce sont les enfants des autres qui gâtent les nôtres, — объяснялъ себѣ многочисленные промахи газетъ „Впередъ“ и „Пролетарій“ именно этимъ вреднымъ вліяніемъ на „самого“ и сгруппировавшихся вокругъ него „критиковъ Маркса“. Не говорите, что мое предположеніе совсѣмъ невѣроятно. Вѣдь вотъ то лицо, которое отвѣчало мнѣ въ фельетонахъ третьяго и четвертаго номеровъ вашей газеты (пожалуй, даже „самъ“), лицо, такъ рѣшительно отводящее Маха и Авенаріуса, должно было бы, кажется, быть вполнѣ стойкимъ по части марксистской „ортодоксіи“; а на дѣлѣ-то за нимъ оказывается довольно таки большая „нехватка“. Посмотрите, какъ онъ иронизируетъ по поводу одного изъ моихъ „силлогизмовъ“.

„Вы улыбаетесь, читатель? Силлогизмъ у Плеханова получился, въ самомъ дѣлѣ, немножечко... какъ бы это помягче выразиться... „діалектическій“. Такъ какъ Марксъ въ соотвѣтствующій „конкретный моментъ“ и т. д. Мнѣ не важно здѣсь, какой именно „силлогизмъ“ вызываетъ насмѣшку автора; лишенъ здѣсь значенія и вопросъ о томъ, на сколько этотъ „силлогизмъ“ заслуживаетъ насмѣшки. Объ этомъ я не тороплюсь говорить, твердо помня другую французскую пословицу, именно: rira bien qui rira le dernier (хорошо посмѣется тотъ, кто посмѣется послѣднимъ). Но я считаю полезнымъ отмѣтить, какой видъ принимаетъ здѣсь насмѣшка: чтобы „выразиться помягче“, авторъ называетъ мой силлогизмъ *діалектическимъ*. Да развѣ же слова: „діалектика“, „діалектическій“ являются *мягкимъ* выраженіемъ очень *крѣпкихъ* сужденій? Такъ могутъ думать только „критики Маркса“ и именно тѣ его „критики“, которые возстаютъ противъ философской основы его теоріи, т. е. между прочимъ, и тѣ сторонники Маха и Авенаріуса, которые ютились въ редакціи газеты „Впередъ“, а теперь ютятся въ редакціи „Пролетарія“. Вотъ недавно мнѣ

попались въ 4-ой книжкѣ *„Вѣстника русской революціи“* такія слова „Въ настоящее время только немногіе марксисты (и прежде всего г. Плехановъ) упорно держатся за гегельянскую школу, въ которую облечено ученье Маркса, — за такъ называемый діалектическій методъ. Врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ ближайшемъ же поколѣніи послѣдніе слѣды этого специфическаго наслѣдія нѣмецкой философіи исчезнутъ. Въ томъ упорствѣ, съ которымъ г. Плехановъ держится за діалектическій методъ,—въ теоріи, конечно, мы вовсе не хотимъ обвинять г. Плеханова въ томъ, что онъ и мыслитъ діалектически,—сказался тотъ же недостатокъ самостоятельности“ и т. д. [1]). Когда я прочиталъ это, я прежде всего сталъ искать въ концѣ книги списка опечатокъ, — такъ нелѣпо выраженіе: *„ученіе облечено въ школу“*, — но такого списка тамъ не оказалось. Заглянулъ въ начало книги,—и тамъ нѣтъ. Такъ я принужденъ допустить, что одинъ изъ сотрудниковъ *„Вѣстника русской революціи“* думаетъ, будто школа Гегеля облекаетъ ученіе Маркса. Это, разумѣется, нѣсколько странный сотрудникъ. Но этотъ странный сотрудникъ нисколько не измѣняетъ себѣ, глумясь надъ діалектикой. А вотъ мой противникъ изъ „Пролетарія“ поступаетъ весьма непослѣдовательно, если считаетъ себя марксистомъ и въ то же время находитъ возможнымъ для „мягкости“ кидать словомъ „діалектическій“ въ такихъ людей, которые, по его мнѣнію, заслуживаютъ чтобы въ нихъ кинули что-нибудь покрѣпче. Какъ объяснить эту его непослѣдовательность? Я боюсь, что въ ней сказывается вліяніе на него тѣхъ его товарищей по оружію, которые, придерживаясь Маха и Авенаріуса, естественно — и вмѣстѣ съ соціалистами-революціонерами — должны смотрѣть на діалектику, какъ на нѣчто, заслуживающее *крѣпкаго* осмѣянія.

Однако, погодите. У моего противника слово „діалектика“ стоитъ во вносныхъ знакахъ. Это, должно быть, не спроста. Нѣтъ ли въ этихъ „ковычкахъ“ какой нибудь „заковыки“? Не означаютъ-ли онѣ, что насмѣшка, несомнѣнно заключающаяся въ словахъ этого писателя, относится не къ діалектикѣ вообще, которую онъ цѣнитъ (гм!) и понимаетъ (гм! гм!) и которою онъ умѣетъ владѣть (гм! гм! гм!), а къ какой-то особой, мнимой и потому достойной презрѣнія діалектикѣ? Положимъ, что такъ оно и есть. Положимъ, кромѣ того,—вы видите, уважаемые товарищи, до чего я кротокъ и склоненъ къ самоотверженію — положимъ, что эта мнимая, достойная насмѣшки діалектика есть именно та, которой придерживаюсь азъ многогрѣшный. Но и въ такомъ случаѣ, но и съ заковыкой, марксисту непозволительно употреблять слово: „діалектическій“ тамъ, гдѣ литературное приличіе требуетъ, по его мнѣнію, замѣны крѣпкаго мягкимъ. Я поясню это наглядньмъ примѣромъ. Говоря откровенно, „по душѣ“, вы, уважаемые товарищи, кажетесь мнѣ подчасъ плоховатыми марксистами [2]).

---

[1]) Стр. 356, примѣчаніе.

[2]) По поводу этого моего признанія какой нибудь сотрудникъ „Вѣстника Русской Революціи“ или „Революціонной Россіи“ съ торжествомъ воскликнетъ, пожалуй; какъ восклицалъ покойный Ник. Михайловскій: „пойди разбери, кто изъ нихъ настоящій марксистъ“. Это, въ самомъ дѣлѣ, не такъ легко разобрать, особенно тѣмъ, которые изъ непониманія Маркса ухитрились сдѣлать главную отличительную черту своего міросозерцанія. Но съ этимъ надо мириться. „Только обносившіяся идеи очень понятны“, справедливо говорилъ Ѳ. Достоевскій. Къ числу такихъ идей принадлежатъ идеи соціалистовъ-революціонеровъ.

Ваши организаціонные и тактическіе взгляды, по-моему, совсѣмъ не вяжутся съ марксизмомъ,—но что сказали бы вы, если бы я, на этомъ основаніи, написалъ въ спорѣ съ вами: это выводъ немножечко... какъ бы это помягче выразиться... „марксистскій“? Вы имѣли бы полное основаніе предположить, что я тоже попалъ въ число „критиковъ Маркса“. Но я такъ не напишу: такъ написать можетъ только такой человѣкъ, который или въ самомъ дѣлѣ смѣется надъ марксизмомъ, или совсѣмъ не умѣетъ полемизировать. Я упрекаю васъ не въ марксизмѣ и не въ „марксизмѣ“, а, какъ разъ наоборотъ, въ томъ, что въ своихъ разсужденіяхъ о революціонной диктатурѣ вы отклонились и отъ марксизма, и даже отъ „марксизма“, т. е. не только отъ правильно понятой теоріи Маркса, но даже и отъ того болѣе или менѣе упрощеннаго ея толкованія, котораго до сихъ поръ придерживались товарищи, называемые въ нашей соціальдемократической средѣ *твердо-каменными*.

Вотъ это-то я и постараюсь показать вамъ. Но прежде я долженъ сдѣлать еще замѣчаніе.

Въ статьѣ „Къ вопросу о захватѣ власти“ („Искра“ № 96) я, сдѣлавъ свою „историческую справку“, говорю моимъ противникамъ изъ газеты „Впередъ“: „Вы очень ошибаетесь, если хоть на минуту предположите, будто мы считаемъ, что наша справка окончательно исчерпываетъ вопросъ. Отнюдь нѣтъ. Мы никогда не думали, что мы во всемъ должны слѣпо слѣдовать примѣру Маркса“. Это мѣсто моей статьи навело вашего фельетониста на ту мысль, что я самъ чувствую слабость своей позиціи. „Онъ (т. е. я, Г. П.) осторожно оговаривается,—пишетъ фельетонистъ,—что не претендуетъ своей справкой окончательно исчерпать вопросъ, — хотя дѣлаетъ выводы исчерпывающей категоричности“ и т. д. Мой противникъ убѣжденъ, стало быть, что я дѣлаю свою „осторожную“ оговорку единственно вслѣдствіе сознанія мною самимъ неправильности сдѣланнаго мною толкованія Маркса. Мой противникъ хочетъ читать въ моемъ сердцѣ; но его чтеніе не дѣлаетъ ему чести, какъ марксисту. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, товарищи, развѣ не долженъ каждый изъ насъ ежечасно и ежеминутно помнить, что мы сдѣлались бы жалкими педантами и смѣшными начетчиками марксизма; что мы кореннымъ образомъ измѣнили бы *духу своего собственнаго ученія* и стали бы недостойными его, если бы хоть разъ допустили, что наши теоретическіе и практическіе споры могутъ исчерпываться простымъ указаніемъ на то, что утверждалъ Марксъ, на то, какъ magister dixit? И развѣ такъ трудно было понять, что именно это соображеніе руководило мною, когда я написалъ вышеприведенныя строки? Вѣдь я же прибавилъ: „только недобросовѣстные или глупые люди рѣшались утверждать, что „ортодоксальные“ марксисты не допускаютъ никакой критики своего учителя“. Неужели это не ясно? Какое же непониманіе всего нашего отношенія къ Марксу нужно для того, чтобы объяснить мою оговорку моею неувѣренностью въ своей правотѣ? Ай-ай, товарищи, плохо полемизируетъ вашъ фельетонистъ!

Дальше. Этотъ фельетонистъ утверждаетъ, что я задался цѣлью реабилитировать Мартынова и неудачно защитилъ его. Въ другомъ мѣстѣ, цитируя мои слова: „иное дѣло марксизмъ, а иное махизмъ“, онъ назидательно замѣчаетъ: „одно дѣло марксизмъ, другое дѣло мартыновизмъ“. На это я отвѣчу, что вашъ фельетонистъ имѣетъ, разумѣется, полнѣйшее право находить мои соображенія неудачными; но что ему не слѣдуетъ

слишкомъ часто поддаваться своей склонности къ чтенію въ сердцахъ. Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ, что понимаетъ-то онъ прочитанное не лучше гоголевскаго Петрушки. Противъ теоріи „захвата власти“ революціонеры я спорилъ еще въ то время, когда ее отстаивали народовольцы, и если я теперь счелъ нужнымъ опять выступить противъ нея, то это произошло вовсе не изъ желанія защитить товарища Мартынова, — онъ самъ умѣетъ защищать себя, какъ это неоспоримо доказываютъ №№ 102 и 103 „Искры“,—а единственно потому, что своими толками о „революціонной диктатурѣ“ вы воскрешаете, и къ тому же очень неудачно, старый заговорщицкій предразсудокъ народовольцевъ. Въ моей книгѣ „*Наши разногласія*“, вышедшей въ Женевѣ въ январѣ 1885 года, я цитирую ту страницу изъ сочиненія Энгельса: „Der deutsche Bauernkrieg“, которая говоритъ о печальныхъ послѣдствіяхъ захвата власти представителями класса, еще не созрѣвшаго для такого политическаго акта, и которую Мартыновъ привелъ въ своей брошюрѣ, появившейся въ концѣ 1894 года. У меня есть основаніе думать, что Мартыновъ именно изъ моей книги и заимствовалъ эту цитату. Ясно, значитъ, что изображать мою полемику съ вами, какъ простое порожденіе моей симпатіи къ „мартыновизму“, значитъ прибѣгать къ пріему и несостоятельному, и неудобному даже для того, — и особенно для того, — кто къ нему прибѣгаетъ. Вѣдь если бы я захотѣлъ послѣдовать примѣру моего противника и задался вопросомъ о томъ, *почему* онъ вздумалъ приписывать мнѣ слабость къ „мартыновизму“ [1]), то мнѣ могъ бы, пожалуй, придти въ голову такой отвѣтъ:

„Когда-то, въ своей брошюрѣ „*Что дѣлать*“, Ленинъ спорилъ съ Мартыновымъ. И хотя онъ совсѣмъ не сумѣмъ обнаружить, въ чемъ заключалась слабая сторона *тогдашнихъ* взглядовъ этого товарища, и даже самъ весьма порядочно зарапортовался въ своихъ разсужденіяхъ объ отношеніи интеллигенціи къ рабочему классу, но ему удалось все-таки выпустить противъ него нѣсколько, правда, грубоватыхъ и неизящныхъ, но хлесткихъ словечекъ, очень понравившихся нѣкоторой части нашей невзыскательной читающей публики и сильно повредившихъ въ ея мнѣніи Мартынову, имя котораго ассоціировалось для этой части съ такъ называемымъ,—на нашемъ неуклюжемъ партійномъ жаргонѣ,—*рабочедѣльствомъ*. Дѣло дошло до того, что на эту часть публики слово: „мартыновизмъ“ стало производить такое же удручающее впечатлѣніе, какое производили на знаменитую купчиху Островскаго слова: *жупелъ* и *металлъ*. Вотъ Ленинъ и пользуется этимъ чрезвычайно важнымъ для него обстоятельствомъ: чуть какой-нибудь товарищъ разойдется съ нимъ въ томъ или другомъ вопросѣ,—кромѣ вопросовъ философскихъ; въ философіи Ленинъ мирно уживается даже съ эмпиріомонистами,—онъ сейчасъ гласомъ веліимъ кричитъ: „сударыня, металлъ!“... виноватъ, я хочу сказать: „товарищи, мартыновизмъ!“, и пугливая, по своему неразумѣнію, „сударыня“ приходитъ въ ужасъ и, сложивъ съ мольбою руки, жалобно стонетъ: „батюшка, Ленинъ, будь отцомъ-благодѣтелемъ, спаси; на тебя одного надежда, я женщина слабая, сирая, а тутъ вишь какія страсти!“ И отецъ-благодѣтель „спасаетъ“, особенно страшась того, что какой-нибудь сострадательный человѣкъ покажетъ его

---

[1]) Который--замѣчу во избѣжаніе недоразумѣній--вполнѣ согласенъ въ этомъ случаѣ съ *марксизмомъ*, какъ я понималъ его двадцать лѣтъ тому назадъ и какъ понимаю до сего дня.

купчихѣ, до какой степени нелѣпа и смѣшна ея пугливость. И какъ только представится ему, что кто нибудь изъ насъ желаетъ взять на себя роль такого сострадательнаго человѣка, онъ опять трубитъ: „жупелъ, металлъ!“, и его купчиха опять трепещетъ, опять доходитъ до полнаго одурѣнія и опять безпомощно стонетъ. Редакторамъ „Пролетарія“ нравится этотъ способъ осѣдланія купчихи; они зачисляютъ и меня, въ числѣ прочихъ, по „мартыновизму“. Какіе хитрецы! Чистые Маккіавелли!

Повторяю, такой отвѣтъ на вопросъ о причинахъ зачисленія меня въ разрядъ доброжелателей фантастическаго „мартыновизма“ есть не болѣе, какъ простая *возможность*: онъ *могъ бы придти мнѣ въ голову*, если бы я захотѣлъ, по примѣру вашего фельетониста, читать въ сердцахъ. Но такъ какъ я этому занятію не предаюсь, то я отвѣчаю на указанный вопросъ совершенно иначе. Я говорю, что „*Пролетарій*“ объявилъ меня защитникомъ „мартыновизма“ единственно только по своей неловкости, по своему неумѣнію полемизировать. Зачѣмъ же я стану подозрѣвать своего противника въ коварствѣ? Литературная справедливость запрещаетъ мнѣ выставлять его намѣренія въ дурномъ свѣтѣ. И я предполагаю, что онъ хотя и неловокъ, но чистъ душою:

...Хотя немножечко деретъ,
За то ужъ въ ротъ хмѣльного не беретъ...

Что собственно сказалъ Мартыновъ? Какіе такіе „металлы“ изрекъ этотъ зараженный „мартыновизмомъ“ товарищъ? Мой противникъ повѣствуетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ:

„Мартыновъ первый выдвинулъ вопросъ въ своихъ знаменитыхъ „Двухъ диктатурахъ“. Онъ утверждалъ, что если наша партія приметъ руководящее участіе въ возстаніи, то отсюда, въ случаѣ успѣха, вытечетъ необходимость участія ея во временномъ революціонномъ правительствѣ, а такое участіе принципіально недопустимо и ни къ чему, кромѣ гибельнаго и компрометирующаго исхода, привести не можетъ“. Взглядъ Мартынова изложенъ здѣсь такъ, что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ произвести впечатлѣніе „металла“. Человѣкъ считаетъ недопустимымъ участіе нашей партіи во временномъ правительствѣ и потому не желаетъ, чтобы она руководила возстаніемъ. Хорошъ революціонеръ! Если онъ хочетъ быть послѣдовательнымъ, то ему надо опасаться *всякаго* участія соціальдемократіи въ революціонномъ движеніи нашего времени. Вотъ что скажетъ себѣ довѣрчивый читатель и проникнется благородной ненавистью къ мартыновизму и спасительнымъ негодованіемъ ко всѣмъ его „защитникамъ“. Но въ томъ-то и дѣло, что мой противникъ позволяетъ здѣсь себѣ нѣкоторыя вольности, по поводу которыхъ Мартыновъ могъ бы воскликнуть словами Некрасова:

О, прокуроръ, ты не статью,
Ты душу вывернулъ мою!

Замѣтьте, что Мартыновъ говоритъ вовсе не о соціальдемократіи или,—если вы предпочитаете, — говорилъ о соціальдемократіи *условно, предполагая, что она изъ партіи рабочаго класса превратилась въ тайное общество заговорщиковъ*. И вотъ объ этой-то *гипотетической* „партіи“, объ этой-то соціальдемократіи, *измѣнившей своей собственной природѣ*, объ этомъ-то *тайномъ обществѣ* онъ сказалъ, что оно — по обычаю всѣхъ заговорщицкихъ организацій — должно было бы стремиться вызвать возстаніе въ заранѣе назначенный день и что, если бы удалось *заранѣе назначенное возстаніе*, то вызвавшимъ его заговорщикамъ, по необходимости, пришлось бы захватить власть въ свои руки,—т. е. совершить актъ, о которомъ мечтаютъ всѣ заговорщики,— а это невыгодно отразилось бы на дальнѣйшемъ ходѣ революціи. Какъ видите,—Θедотъ да не тотъ, и даже совсѣмъ не тотъ, и даже совсѣмъ не Θедотъ! Если человѣка, разсуждающаго подобно тому, какъ разсуждалъ здѣсь Мартыновъ, обвинять въ распространеніи анти-революціонныхъ идей, то подобное же обвиненіе слѣдуетъ выдвинуть и противъ нашего учителя Энгельса, который, характеризуя Бланки, говоритъ: „Въ своей политической дѣятельности онъ былъ, въ сущности, „человѣкомъ дѣла“, человѣкомъ вѣры въ то, что небольшое, хорошо организованное меньшинство, старающееся вызвать возстаніе въ благопріятную минуту, можетъ своими первыми успѣхами увлечь за собою народную массу и такимъ путемъ совершить революцію... Изъ того, что Бланки смотрѣлъ на всякую революцію, какъ на Handstreich маленькаго революціоннаго меньшинства, сама собою слѣдуетъ необходимость диктатуры въ случаѣ успѣха,—разумѣется, диктатуры не всего революціоннаго класса, пролетаріата, но небольшого числа тѣхъ, которые начали возстаніе и уже заранѣе организовались подъ диктаторской властью одного или немногихъ“. Энгельсъ прибавляетъ: „Вы видите, что Бланки былъ человѣкомъ стараго поколѣнія“. Но онъ тутъ же оговаривается, что французскими бланкистами до сихъ поръ (это было написано Энгельсомъ въ 1874 г. Г. П.) признается тотъ основной принципъ, что революціи вообще не сами дѣлаются, а ихъ дѣлаютъ; что ихъ дѣлаетъ сравнительно небольшое меньшинство по заранѣе выработанному плану; и что, наконецъ, во всякое время „скоро начнется“.

При такихъ понятіяхъ французскіе бланкисты, — жившіе тогда въ Лондонѣ изгнанниками, послѣ парижской коммуны,—естественно дѣлались, по мнѣнію Энгельса, „совершенно безпомощными жертвами всѣхъ свойственныхъ эмигрантамъ самообольщеній“ [1]).

Какъ вы думаете, уважаемые товарищи, не тотъ ли это самый „мартыновизмъ“, который вызвалъ со стороны газеты „Впередъ“ такія, желающія быть ѣдкими и страшными, нападки на Мартынова? По моему, тотъ самый. По моему, сдѣланная Энгельсомъ характеристика бланкизма очень сильно смахиваетъ на сдѣланную Мартыновымъ характеристику Ленинскихъ тактическихъ понятій. И если я правъ,—а читатель видитъ, что я правъ,—то вамъ, товарищи изъ „Пролетарія“, остается одно изъ двухъ: или признать свои нападки на Мартынова неосновательными, а его критику вашей тактики правильной, или же опять пугать свою купчиху и опять вопить: „металлъ!“, но на этотъ разъ по поводу самого Энгельса. Выбирайте.

Впрочемъ, по части выбора вы большіе оригиналы и любите подражать тому человѣку, о которомъ разсказываетъ Гейне, и который, будучи приговоренъ къ смерти и спрошенъ, что онъ предпочитаетъ: быть разстрѣляннымъ или повѣшеннымъ, отвѣтилъ: „Я предпочитаю молочный супъ“.

---

[1]) Internationales aus dem Volksstaat (1871—1875), Berlin, 1894, Ss. 41—42.

Я знаю, вы тоже предпочтете „молочный супъ“; вы приметесь доказывать, что Энгельсъ говоритъ совсѣмъ другое, чѣмъ Мартыновъ, и что на самомъ дѣлѣ авторъ Анти-Дюринга очень одобрялъ и заговорщицкіе Handstreich'и, и заговорщицкую диктатуру,—словомъ, что онъ тоже былъ „твердо-каменнымъ“. Моя статья въ № 96 „Искры“ уже побудила васъ „предпочесть молочный супъ“. Теперь я прошу у васъ позволенія отвѣдать этого питательнаго кушанья.

Припомнимъ, съ чего „началось“. Въ газетѣ „Впередъ“ (№ 14), я встрѣтилъ слѣдующую развязную тираду:

„Нужно, по истинѣ, школьническое понятіе объ исторіи, чтобы представлять себѣ дѣло безъ „скачковъ“, въ видѣ какой-то медленно и равномѣрно восходящей прямой линіи: сначала будто бы очередь за либеральной крупной буржуазіей — уступочки самодержавія, — потомъ за революціонной мелкой буржуазіей — демократическая республика, наконецъ, за пролетаріатомъ—соціалистическій переворотъ. Эта картина вѣрна въ общемъ и цѣломъ, вѣрна „на долгомъ“, какъ говорятъ французы, на какомъ-нибудь протяженіи столѣтія (напр., для Франціи съ 1879 по 1905 годъ). Но составлять себѣ по этой картинѣ планъ собственной дѣятельности въ революціонную эпоху,—для этого надо быть виртуозомъ филистерства“.

Отвѣчая на эту тираду, я сказалъ, что Марксъ въ „Обращеніи“ къ членамъ коммунистическаго союза, написанномъ имъ въ началѣ 1850 года, представляетъ дѣло именно въ видѣ медленно восходящей прямой линіи: сначала движеніе 1848—49 г. поставило у власти либеральную буржуазію, которая добившись „уступочекъ“ отъ самодержавія, обнаружила готовность соединиться съ феодальной партіей для борьбы съ новыми революціонными попытками; но ея усилія не приведутъ ни къ чему; быстро приближающаяся новая революція передастъ господство въ руки демократической мелкой буржуазіи, въ борьбѣ съ которой *рабочій классъ* долженъ идти къ своей собственной *коммунистической* революціи. Отсюда я дѣлалъ то неизбѣжное умозаключеніе, что если правъ развязный публицистъ развязной газеты, то основателей научнаго соціализма надо причислить къ „виртуозамъ филистерства“, а ихъ историческіе взгляды слѣдуетъ признать „школьническими“.

Вашъ фельетонистъ оспариваетъ мое умозаключеніе, называя его бездоказательнымъ.

„Доказательство? — вопрошаетъ онъ. — Доказательство состоитъ въ томъ, что въ 1850 году, когда революціонный народъ Германіи потерпѣлъ пораженіе въ борьбѣ 1848—49 годовъ, не сумѣвъ добить самодержавіе, когда либеральная буржуазія уже получила куцую конституцію и перешла на сторону реакціи,—однимъ словомъ, когда германское демократически-революціонное движеніе поднялось только на одну первую ступеньку и остановилось, безсильное подняться выше, тогда.... тогда Марксъ говорилъ, что новый революціонный подъемъ будетъ подъемомъ на вторую ступеньку. Вы улыбаетесь, читатель? Силлогизмъ у Плеханова получился, въ самомъ дѣлѣ, немножечко... какъ бы это помягче выразиться?... немножечко „діалектическій“. *Такъ какъ* Марксъ въ соотвѣтствующій конкретный моментъ конкретной демократической революціи говорилъ, что послѣ происшедшаго подъема на первую ступень предстоитъ подъемъ на вторую,—то *поэтому* лишь „критики“ Маркса могутъ называть филистерами людей, которые до подъема на первую ступень пугаютъ насъ ужасной

перспективой прыжка (въ случаѣ особенно удачно организованнаго и проведеннаго возстанія) на двѣ ступени сразу“.

Я нарочно сдѣлалъ длинную выписку, потому что короткая не дала бы возможности схватить мысль моего ехиднаго автора во всей ея своеобразности. Въ самомъ дѣлѣ, вдумайтесь въ первую часть выписки. „Когда германское демократически-революціонное движеніе поднялось только на одну первую ступень и остановилось, безсильное подняться выше, тогда... тогда Марксъ говорилъ, что новый революціонный подъемъ будетъ подъемомъ на вторую ступеньку“. Какъ это понимать? Ну, а если бы движеніе, поднявшись на первую ступеньку, *не* „остановилось въ безсиліи“, развѣ *тогда* Марксъ не сказалъ бы, что новый революціонный подъемъ приведетъ нѣмецкій народъ на вторую ступеньку? Какая странная логика! Можно безъ преувеличенія сказать, что въ ней нѣтъ ни одного атома діалектики, ни въ ковычкахъ, ни безъ оныхъ! Она приводитъ читателя въ самое полное недоумѣніе. Но тутъ-то и выручаетъ его вторая часть длинной выписки.

Марксъ, дѣйствительно, говорилъ, что послѣ происшедшаго подъема на первую ступень предстоитъ подъемъ на вторую. Но онъ говорилъ это въ соотвѣтствующій конкретный моментъ конкретной демократической революціи. *Поэтому* я построилъ плохой силлогизмъ, умозаключивъ отсюда, что только критики Маркса могутъ считать филистерами людей, которые боятся и проч.

Теперь ясно, въ чемъ заключается моя ошибка, по мнѣнію моего талантливаго противника. Ясно также, почему въ первой половинѣ сдѣланной мною выписки указывается на то, что революціонное движеніе 1848—49 гг., поднявшись на *первую* ступень, въ *безсиліи остановилось*: если бы оно было сильнѣе, то оно скакнуло бы сразу на вторую ступеньку. Это безсиліе, конечно, было очевидно для Маркса *послѣ того*, какъ движеніе остановилось. Но раньше печальнаго событія Марксъ могъ расчитывать на болѣе рѣшительный ходъ событій. Поэтому, *наканунѣ* революціи 1848 года онъ, вѣроятно, самъ мечталъ о скачкѣ на двѣ ступени сразу и, вѣроятно, самъ обозвалъ бы виртуозами филистерства людей, считавшихъ послѣдовательный переходъ со ступеньки на ступеньку болѣе нормальнымъ и болѣе благопріятнымъ для революціоннаго дѣла. Словомъ, можно думать, что *передъ* революціей 1848 года Марксъ всѣми силами души стремился стать германскимъ Ленинымъ и отказался отъ этого высокаго идеала лишь тогда, когда эта революція въ „безсиліи остановилась“, и когда основателю научнаго соціализма осталось только сказать себѣ: „*радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ*“.

Очень хорошо и очень пріятно... для Ленина. Но вотъ бѣда. Не безызвѣстное, надѣюсь, и вамъ, уважаемые товарищи, сочиненіе того же Маркса: „*Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта*“ лишаетъ эту пріятность всякаго серьезнаго основанія.

Въ этомъ сочиненіи мы читаемъ:

„Въ первой французской революціи за господствомъ *конституціоналистовъ* слѣдуетъ господство *жирондистовъ*, а господство *жирондистовъ* смѣняется господствомъ *якобинцевъ*. Каждая изъ этихъ партій опирается на болѣе передовую. Какъ только данная партія довела революцію настолько далеко, что она болѣе не въ состояніи не только идти впередъ, но и слѣдовать за ней,—ее устраняетъ и отправляетъ на

гильотину ея, стоящій за ней, болѣе смѣлый союзникъ. Революція двигается, такимъ образомъ, по восходящей линіи.—Обратное происходитъ въ революціи 1848 года. Партія пролетаріата является придаткомъ мелкобуржуазной демократической партіи. Послѣдняя измѣняетъ первой 16-го апрѣля, 15-го мая и въ іюньскіе дни. Демократическая партія, съ своей стороны, стоитъ на плечахъ буржуазно-республиканской партіи. Не успѣли буржуазные республиканцы почувствовать себя твердо на ногахъ, какъ они сорасываютъ съ себя докучливыхъ товарищей и сами спѣшатъ опереться на плечи партіи порядка. Партія порядка пожатіемъ плечъ опрокидываетъ буржуазныхъ республиканцевъ и сама становится на плечи вооруженной силы. Она еще продолжаетъ думать, что сидитъ на плечахъ арміи, когда она въ одно прекрасное утро открываетъ, что эти плечи превратились въ штыки. Каждая партія лягается въ сторону стремящейся впередъ партіи и упирается въ стремящуюся назадъ партію. Неудивительно, что она въ этой смѣшной позитурѣ теряетъ равновѣсіе и падаетъ, корча неизбѣжныя гримасы и выдѣлывая удивительныя курбеты. Революція двигается такимъ образомъ по нисходящей линіи. Она находится въ этомъ попятномъ движеніи прежде, чѣмъ убрана послѣдняя февральская баррикада и установлена первая революціонная власть“ [1]).

Въ великой революціи конца XVIII-го вѣка движеніе поднималось *со ступеньки на ступеньку*. И это обстоятельство позволило ему совершить максимумъ полезной исторической работы. Февральская революція скакнула *на нѣсколько ступенекъ сразу* и... *пошла по нисходящей линіи, и партіи*, принимавшія въ ней участіе, приняли смѣшную позитуру, стали лягаться, терять равновѣсіе, падать, корчиться, гримасничать. Печальная картина! Безотрадный ходъ событій! Чѣмъ былъ онъ вызванъ? Группировкой составныхъ частей тогдашняго буржуазнаго общества. Эта группировка была неблагопріятна для революціи и обусловила собою ея безсиліе. Не такъ ли? Конечно, такъ. А если такъ, то не ошибаются ли тѣ люди, которые думаютъ, что подъемъ на „нѣсколько ступенекъ сразу“ доказываетъ *силу* революціоннаго движенія? Не увлекаются ли они предразсудками прошлаго? Не являются ли они революціонерами „стараго поколѣнія“? Очень на это похоже!

Теперь спрашивается, имѣемъ-ли мы право думать, что уже наканунѣ взрыва 1848 г. Марксъ считалъ предстоявшее революціонное движеніе осужденнымъ на ту полу-неудачу, которая характеризуетъ его въ глазахъ историка? Нѣтъ, такого права мы не имѣемъ. Напротивъ, „Манифестъ коммунистической партіи“ показываетъ, что Марксъ былъ, подобно всѣмъ коммунистамъ того времени, полонъ бодрой вѣры въ силу близкой революціи. „Смѣшная позитура“ французскихъ партій явилась для тогдашнихъ марксистовъ печальною неожиданностью. Ихъ представленія объ условіяхъ и ходѣ революціонныхъ движеній основывались,—по свидѣтельству Энгельса,—на прежнемъ историческомъ опытѣ, особенно на опытѣ великой французской революціи [2]). Отсюда ясно, что вѣроятный, — и, разумѣется, желательный,—для нихъ ходъ событій представлялся имъ тогда

---

[1]) Восемнадцатое брюмера и т. д., переводъ Б. Кричевскаго, стр. 33—34.

[2]) См. предисловіе Энгельса къ сочиненію Маркса: „Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1850 г.“ Женева, 1903 г., стр. 6—7.

именно въ видѣ *подъема со ступеньки на ступеньку, а не въ видѣ скачка черезъ нѣсколько ступенекъ сразу*.

Но такое представленіе свойственно,—по властному рѣшенію газетки „Впередъ“,—лишь виртуозамъ филистерства. Слѣдовательно, основатели научнаго соціализма принадлежали къ числу филистеровъ. Что и требовалось доказать.

Теперь пойдемъ дальше. Почему тотъ ходъ движенія, который мы наблюдаемъ въ великой французской революціи, обезпечилъ максимумъ полезной исторической работы выступавшихъ одна за другою болѣе или менѣе прогрессивныхъ партій? Это видно изъ словъ самого Маркса. Пока еще не достигнута была первая „ступенька“, партія, которой предстояло господствовать по ея достиженіи, направляла главную часть своей силы на борьбу со старымъ порядкомъ, а не на то, чтобы лягать болѣе передовыя партіи, на которыя она опиралась. Такимъ образомъ ея работа пріобрѣтала *положительное*, а не *отрицательное* значеніе. А что касается болѣе передовыхъ партій, то хотя онѣ съ самаго начала вели болѣе или менѣе ожесточенную борьбу съ умѣренными элементами революціи, но ихъ борьба толкала эти элементы впередъ и тѣмъ, съ своей стороны, оказывала огромную услугу дѣлу разрушенія стараго порядка. Но это еще не все. Ихъ борьба съ умѣренными элементами пополняла ихъ собственный революціонный опытъ, расширяла ихъ собственные революціонные взгляды, довершала ихъ собственное революціонное воспитаніе и тѣмъ облегчала имъ рѣшеніе ихъ собственной революціонной задачи. Вотъ почему эта ихъ борьба, увеличивая размахъ революціоннаго движенія, въ то же самое время давала ему новую силу. Вотъ почему тактика, расчитанная на перескакиваніе черезъ промежуточныя ступеньки, вопреки своей мнимо-революціонной внѣшности,—внѣшность анархической тактики еще революціоннѣе,—на самомъ дѣлѣ далеко не такъ революціонна, какъ противоположная ей тактика людей, кажущихся вамъ, уважаемые товарищи, виртуозами филистерства. Вотъ почему товарищи, группировавшіеся вокругъ газеты „Впередъ“, а нынѣ группирующіеся около „Пролетарія“, являются *„революціонерами стараго поколѣнія“* сравнительно съ товарищами, группирующимися вокругъ „Искры“. Это фактъ, котораго нельзя, по нѣмецкому выраженію, wegschwatzen. Не думайте, что я пристрастенъ къ сторонникамъ „Искры“. Нисколько! У нихъ очень много своихъ недостатковъ. Ихъ организаціонные взгляды изъ рукъ вонъ плохи. Но ихъ *тактика* несравненно лучше тактики „твердо-каменныхъ“..

Однако, я уклоняюсь въ сторону. Марксъ только тогда могъ бы заранѣе мечтать о „подъемѣ на двѣ ступеньки сразу“, если бы пришелъ къ тому архи-нелѣпому убѣжденію, что движеніе по *нисходящей линіи* полезнѣе для революціоннаго дѣла и потому желательнѣе для революціонеровъ, чѣмъ движеніе по линіи *восходящей*. Запомнимъ этотъ выводъ и послушаемъ моего страшнаго противника.

„Въ знаменитомъ „Обращеніи“,—продолжаетъ онъ,—Марксъ совершенно не касается вопроса о принципіальной допустимости участія пролетаріата во временномъ революціонномъ правительствѣ. Марксъ исключительно разсматриваетъ конкретную ситуацію Германіи въ 1850 году. Марксъ ни слова не говорилъ объ участіи Совѣта коммунистовъ въ революціонномъ правительствѣ потому, что при тогдашнихъ условіяхъ не могло возникнуть и мысли о такомъ участіи отъ имени рабочей партіи въ цѣляхъ демократической диктатуры“.

Почему же не могло? По слабости силъ тогдашняго германскаго пролетаріата. Такъ думаетъ мой противникъ. Онъ говоритъ:

„Послѣ 2-хъ лѣтъ революціонной эпохи, когда Марксъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ издавалъ открыто самую революціонную газету рабочей партіи, приходится констатировать полную дезорганизацію этой партіи, полное отсутствіе сколько нибудь рѣзко выраженной пролетарской струи въ общемъ теченіи... полное подпаденіе пролетаріата не только подъ господство, но и подъ руководство буржуазіи! Очевидно, что экономическія отношенія были еще крайне неразвиты, крупная промышленность почти отсутствовала, никакого самостоятельнаго рабочаго движенія въ сколько-нибудь серьезныхъ размѣрахъ не было, мелкая буржуазія господствовала безраздѣльно. Понятно, что при такихъ условіяхъ писателю, разбирающему конкретную ситуацію, нельзя было даже допускать мысли о возможности участія рабочей партіи во временномъ правительствѣ".

Хорошо, или, по меньшей мѣрѣ, ясно. А теперь посмотримъ, что говоритъ о тогдашнихъ надеждахъ тогдашнихъ коммунистовъ на пролетаріатъ человѣкъ, самъ раздѣлявшій эти надежды и самъ игравшій чрезвычайно видную роль въ тогдашнемъ рабочемъ движеніи.

Указавъ на то, что въ 1848 г. даже въ Парижѣ можно было по пальцамъ перечислить людей, которые хоть немного понимали, при какихъ условіяхъ можетъ произойти освобожденіе пролетаріата, Энгельсъ продолжаетъ: „И, однако, движеніе существовало, инстинктивное, самопроизвольное, неподавимое. Именно это положеніе заставляло вѣрить въ неизбѣжный успѣхъ революціи, которая хотя и произойдетъ подъ руководствомъ меньшинства, но на этотъ разъ въ самомъ дѣйствительномъ интересѣ большинства". Правда, этими словами характеризуется и объясняется только настроеніе Маркса и Энгельса наканунѣ 1848 года, но потрудитесь читать дальше: „Когда же, выросшая изъ „соціальной" революціи 1848 года, буржуазная республика въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи... дошла до того, что весною 1850 года (т. е., въ то самое время, когда написано было „Обращеніе", послужившее поводомъ для нашего спора, Г. П.) вся дѣйствительная власть сосредоточилась въ рукахъ крупной буржуазіи, желавшей къ тому же возстановленія монархіи; когда, съ другой стороны, всѣ остальные общественные классы, крестьянство и мелкая буржуазія, сгруппировались вокругъ пролетаріата, такъ что послѣ общей побѣды рѣшающимъ факторомъ должны были стать не они, а умудренный опытомъ пролетаріатъ,—то возможно ли было тогда сомнѣваться въ томъ, что революція меньшинства превратится въ революцію большинства? [1]).

Фельетонистъ „Пролетарія" увѣряетъ, что тогда *невозможно было вѣрить въ силы пролетаріата*. Энгельсъ утверждаетъ, наоборотъ, что тогда *нельзя было не вѣрить въ нихъ* [2]). Кто говоритъ правду?

Мнѣ скажутъ, пожалуй,—послѣ фельетоновъ моего противника можно ожидать всего,— что приведенное мною мѣсто относится къ Франціи, а не къ Германіи, но это не такъ. Энгельсъ только поясняетъ свою мысль примѣрами, заимствуемыми изъ жизни Франціи, а рисуемая имъ картина настроенія коммунистовъ относится *не только къ Франціи*, какъ это видно изъ дальнѣйшаго: „Исторія не оправдала нашихъ ожиданій, ожиданій всѣхъ тѣхъ, которые раздѣляли наши взгляды. Она показала, что *экономическое развитіе континента* далеко еще не созрѣло для устраненія капитализма" [1]).

[1]) Ibid., стр. 9—10.
[2]) Курсивъ мой.

Ясно, что мой фельетонистъ весьма основательно промахнулся.

Ту же самую мысль можно доказать иначе. Вспомните, какую программу предлагаетъ Марксъ германскому пролетаріату въ своемъ „Обращеніи". Онъ рекомендуетъ ему — и полагаетъ, что онъ вполнѣ способенъ къ этому, — во-первыхъ, принудить демократовъ къ революціонному вмѣшательству въ существующія общественныя отношенія, а во-вторыхъ, толкать впередъ этихъ демократовъ, склоняющихся только къ соціальной реформѣ, а не къ соціальной революціи. Короче, Марксъ думалъ, — и прямо высказывалъ,—что нѣмецкій пролетаріатъ уже созрѣлъ для *непрерывной революціи*, пролагающей очень короткій путь къ его диктатурѣ. А въ виду этого онъ могъ, кажется, поставить передъ собой и вопросъ объ участіи пролетаріата въ диктатурѣ мелкой буржуазіи. И если онъ не сдѣлалъ этого, то не сдѣлалъ единственно по той причинѣ, что *не допускалъ даже мысли о возможности подобнаго участія*.

Когда я писалъ передовую статью для № 96 „Искры", я, — какъ это само собою разумѣется, — отлично понималъ, что моей ссылкѣ на „Обращеніе", какъ бы ни была она убѣдительна по своему существу, всегда можно противопоставить то, что французы называютъ une fin de non recevoir въ видѣ указанія на перемѣну „ситуаціи". Правда, я не допускалъ, что подобное указаніе можетъ быть сдѣлано въ такой чудовищно неудачной формѣ, какую получило оно у моего противника. Но,— хорошо помня аргументацію мильерандистовъ въ ихъ спорѣ съ гедистами,—я все-таки его предвидѣлъ и потому заранѣе предупредилъ его цитатой изъ письма Энгельса къ Турати. Письмо это было написано въ 1894 году, т. е. при „ситуаціи" существенно отличной отъ „ситуаціи" 1848 г.; притомъ же мысль о недопустимости участія пролетаріата въ мелко-буржуазномъ правительствѣ высказано тамъ въ видѣ общаго тактическаго принципа, одинаково примѣнимаго ко всѣмъ тѣмъ странамъ, въ которыхъ рабочій классъ не созрѣлъ еще для своей диктатуры. Отвѣчая на мою цитату, мой фельетонистъ говоритъ: „Какъ видно изъ Плехановскаго изложенія, этого письма (къ сожалѣнію, Плехановъ не приводитъ письма полностью и не указываетъ, было ли оно напечатано и гдѣ именно), Энгельсъ *долженъ былъ доказывать Турати* различіе *между соціалистической и мелко-буржуазной революціей*".

Тотчасъ же послѣ смерти Энгельса письмо его къ Турати напечатано было въ „Critica Sociale"; потомъ оно появилось въ видѣ приложенія къ брошюрѣ „Economica politica", содержащей въ себѣ переводъ извѣстной статьи Энгельса „Umrisse zu einer Kritik der politischen Oekonomie"; потомъ его цитировалъ въ „Neue Zeit" Каутскій во время полемики, вызванной „кризисомъ въ соціализмѣ". Оно было извѣстно, можно сказать, всѣмъ и каждому; оно представляетъ собою чрезвычайно важный документъ для характеристики взглядовъ основателей научнаго соціализма на тактику революціоннаго пролетаріата, т. е. какъ разъ на тотъ вопросъ, о которомъ „*Впередъ*" началъ спорить съ „*Искрой*", а мой страшный противникъ узналъ о немъ только изъ „Плехановскаго изложенія"! Скажите,

[1]) Ibid., стр. 10, подчеркнуто опять мною.

уважаемые товарищи, съ какихъ же поръ невѣжество пріобрѣло,—вопреки и вамъ, конечно, знакомой аксіомѣ, значеніе аргумента? Но это еще только ягодка, а вотъ цвѣточекъ. „Турати — итальянскій Мильеранъ“, — продолжаетъ фельетонистъ, — бернштейніанецъ, которому Джіолитти предлагалъ портфель въ своемъ министерствѣ“. Вотъ оно куда пошло! Но когда Энгельсъ писалъ свое письмо, ни о какихъ бернштейніанцахъ никто ничего не слыхалъ, а Турати былъ самымъ убѣжденнымъ и самымъ революціоннымъ марксистомъ. При чемъ же тутъ министерскій портфель, при чемъ тутъ Джіолитти? Фельетонистъ, очевидно, понятія не имѣетъ о томъ, въ какомъ положеніи находилась международная соціальдемократія десять лѣтъ тому назадъ. Но это уже слишкомъ. До такого „градуса“ доходить въ соціальдемократическомъ изданіи не позволительно.

Фельетонистъ что-то хотѣлъ, какъ мы видѣли выше, съехидничать на счетъ моей „діалектики“. А мнѣ, — уже безо всякого ехидства, — вспоминается теперь не Гегель съ діалектикой, а Шеллингъ съ его „методомъ *потенцированія*“. Незнаніе, свойственное т. фельетонисту „Пролетарія“, послѣ каждой своей „объективаціи“, *потенцируется*, т. е. поднимается на высшую „ступеньку“ а иногда и на „нѣсколько ступенекъ сразу“. Чего же это смотритъ „самъ“? Вѣдь въ его рукахъ „централизовано“ теперь такъ много власти!

Но перейдемъ къ письму. Тамъ говорится, что „французскіе демократы-соціалисты совершили ошибку“, занявъ мѣсто во временномъ правительствѣ. „Будучи меньшинствомъ въ правительствѣ, они добровольно раздѣлили отвѣтственность за всѣ подлости и измѣны по отношенію къ рабочему классу, совершаемыя большинствомъ чистыхъ республиканцевъ; между тѣмъ, присутствіе ихъ въ составѣ правительства совершенно парализовало революціонную активность рабочаго класса, который они претендовали представлять“. Это уже само себѣ довольно назидательно. Но замѣтьте еще, что здѣсь рѣчь идетъ о „ситуаціи“, совсѣмъ не похожей на ту, которую Ленинъ констатируетъ въ Германіи 1850 года. Въ февралѣ 1848 г. движеніе еще не было „обезсилено“, и французскій пролетаріатъ находился въ полномъ упоеніи побѣды и въ полномъ сознаніи своего могущества. А его представители все-таки совершили, по мнѣнію Энгельса, ошибку, вступивъ во временное правительство. Ясно, что ссылка на исключительный характеръ германской „ситуаціи“ 1850 г. совершенно несостоятельна и объясняется только тѣмъ, что сдѣлавшій ее фельетонистъ самъ находился въ затруднительной „ситуаціи“, не зная, что ему возразить на мою „историческую справку“.

Мало того. Какъ я уже указалъ въ „Искрѣ“, Энгельсъ не только совѣтуетъ итальянскимъ соціалистамъ не вступать въ мелко-буржуазное революціонное правительство. Онъ не только ссылается при этомъ на примѣръ французскихъ „демократовъ-соціалистовъ“ 1848 года. Онъ подкрѣпляетъ свой совѣтъ также *общими тактическими соображеніями*, правильность которыхъ была доказана, по его словамъ, *опытомъ всей его жизни и которыя еще ни разу не ввели его въ ошибку*. Это ужъ не „ситуація“, которой всегда можно противопоставить другую „ситуацію“, а именно общій принципъ, который, разумѣется, можно *критиковать*,—что я охотно и признавалъ въ своей статьѣ,—но котораго нельзя „отболтать прочь“ посредствомъ „ситуаціи“. Судите же послѣ этого о политической ловкости моего противника, который какъ разъ „въ эфтомъ

мѣстѣ“ переходитъ въ наступленіе, объявляя: „Если онъ всякое участіе пролетаріата въ революціонномъ правительствѣ при борьбѣ за республику, при демократическомъ переворотѣ считаетъ принципіально недопустимымъ, то мы беремся доказать ему, что это есть „принципъ“ анархизма, самымъ рѣшительнымъ образомъ осужденный Энгельсомъ“.

Часъ отъ часу не легче! Прежде я находился „подъ сумлѣніемъ“ на счетъ „мартыновизма“, а теперь попалъ въ анархисты. Ну, да и комикъ же мой фельетонистъ! Вотъ посмѣются анархисты, если узнаютъ, какой невѣроятный упрекъ обрушился на мою голову!

Но удивительнѣе всего то, что мой противникъ хочетъ разбить меня съ помощью того самаго Энгельса, который и слышать не хочетъ объ участіи пролетаріата въ революціонномъ правительствѣ мелкой буржуазіи. Изумительный фельетонистъ „Пролетарія“ не соображаетъ, что, если бы ему удалось доказать свою тезу, то онъ тѣмъ самымъ доказалъ бы, что Энгельсъ проповѣдуетъ принципъ анархизма „самымъ рѣшительнымъ образомъ осужденный“ имъ же, Фридрихомъ Энгельсомъ. Вотъ такъ чудасія! Гоголь говоритъ о Ноздревѣ: Этотъ человѣкъ рѣшительно не зналъ сомнѣній. Рѣшительно не знаетъ ихъ и мой противникъ. Ноздревъ, благодаря указаному своему свойству, „отливалъ“ удивительныя „пули“. Столь же, если не болѣе, удивительны и пули, отливаемыя фельетонистомъ „Пролетарія“.

Въ своей статьѣ „Bakunisten an der Arbeit“ Энгельсъ зло смѣется надъ послѣдователями Бакунина, т. е. анархистами, совершившими множество глупостей во время революціонныхъ событій 1873-го года въ Испаніи. Онъ показываетъ, что испанскіе бакунисты своими дѣйствіями противорѣчили своимъ собственнымъ принципамъ, а тамъ, гдѣ они остались вѣрны этимъ послѣднимъ, они, своей послѣдовательностью, только ослабили свои собственныя силы. Когда въ Испаніи провозглашена была республика, о *немедленномъ* полномъ освобожденіи рабочаго класса не могло быть и рѣчи: слишкомъ ужъ неразвиты были экономическія отношенія этой страны. Чтобы полное освобожденіе рабочаго класса стало возможнымъ, Испанія должна, говоритъ Энгельсъ, пройти различныя предварительныя ступени развитія и устранить цѣлый рядъ препятствій, стоящихъ на пути къ соціалистической революціи. Соціалистамъ представлялся прекрасный случай воспользоваться республикою для того, чтобы сократить время прохожденія всѣхъ этихъ ступеней и ускорить устраненіе этихъ препятствій. Но воспользоваться для этой цѣли провозглашеніемъ республики можно было только при одномъ необходимомъ условіи: при энергичномъ вмѣшательствѣ испанскаго пролетаріата въ политическую жизнь своей страны. И пролетаріатъ чувствовалъ это; онъ повсюду стремился принять дѣятельное участіе въ совершавшихся событіяхъ. Какой же тактики должно было держаться въ виду такого положенія дѣлъ Международное Товарищество Рабочихъ, стоявшее во главѣ испанскаго рабочаго движенія? Ему слѣдовало всѣми силами содѣйствовать выступленію пролетаріата въ качествѣ *дѣятельной и самостоятельной политической партіи*. Такъ оно и поступило бы, если бы его испанскія секціи не находились подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Бакунина. Это вліяніе помѣшало испанскимъ членамъ Международнаго Товарищества выбрать правильный образъ дѣйствій. Энгельсъ довольно подробно изображаетъ ту печальную роль, которую пришлось играть испанскимъ бакунистамъ въ тогдашнихъ событіяхъ, и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

„1) Какъ только бакунисты очутились лицомъ къ лицу съ серьезнымъ революціоннымъ положеніемъ, они оказались принужденными выбросить за бортъ всю ту программу, которой они до тѣхъ поръ держались. Прежде всего они пожертвовали ученіемъ объ обязательности политическаго воздержанія и особенно—воздержанія во время выборовъ. За нимъ послѣдовала анархія, уничтоженіе государства; вмѣсто того, чтобы уничтожить государства, они попытались основать рядъ новыхъ, маленькихъ гасударствъ. Потомъ они покинули положеніе, гласящее, что рабочіе не должны принимать участія въ такой революціи, цѣлью которой не является немедленное и полное освобожденіе пролетаріата, и приняли участіе въ чисто и очевидно буржуазномъ движеніи. Наконецъ, они стали въ полное противорѣчіе съ только что провозглашеннымъ членомъ своего символа вѣры, утверждавшимъ, что созданіе революціоннаго правительства есть обманъ рабочихъ и измѣна ихъ дѣлу: они преспокойно засѣдали въ правительствахъ отдѣльныхъ (возставшихъ Г. П.) кантоновъ и засѣдали, какъ безсильное меньшинство, маіоризируемое и политически эксплуатируемое буржуазіей.

2) Но это ихъ отреченіе отъ своихъ прежнихъ принциповъ совершилось самымъ трусливымъ и лживымъ образомъ, съ угрызеніями совѣсти, такъ что ни сами бакунисты, ни руководимыя ими массы не имѣли, вступая въ движеніе, опредѣленной программы и вообще не знали, чего они хотятъ. Каково было естественное слѣдствіе этого? Или то, что бакунисты помѣшали начаться движенію, какъ это было въ Барцелонѣ; или то, что они были вовлечены въ отдѣльныя, лишенныя плана и нелѣпыя возстанія, какъ это было въ Алькоѣ и Санъ-Люкаръ-де-Баррамеда; или же, наконецъ, то, что руководство попало въ руки буржуазной партіи непримиримыхъ, какъ это было въ большинствѣ возставшихъ мѣстъ. Революціонныя фразы бакунистовъ привели, стало быть, когда дошло до дѣла, или къ уклоненію отъ революціонной работы, или къ заранѣе осужденнымъ на неудачу возстаніямъ; или къ присоединенію къ буржуазной партіи, постыднѣйшимъ образомъ эксплуатировавшей рабочихъ въ политическомъ отношеніи и къ тому же награждавшей ихъ пинками.

3) Отъ такъ называемыхъ принциповъ анархіи, отъ свободной федераціи независимыхъ группъ и т. д. не осталось ничего, кромѣ безсмысленнаго и безмѣрнаго раздробленія средствъ революціонной борьбы, позволившаго правительству покорить своей власти одинъ возставшій городъ за другимъ съ помощью горсти войскъ.

4) Концомъ всей этой пѣсни было не только то, что хорошо организованный испанскій Интернаціоналъ, — фальшивый, равно какъ и настоящій,—палъ вмѣстѣ съ буржуазной партіей непримиримыхъ, но также и то, что на его счетъ было отнесено множество вымышленныхъ крайностей, безъ которыхъ филистеры всѣхъ странъ совершенно не могутъ представить себѣ возстаніе рабочихъ и что, поэтому, международная реорганизація испанскаго пролетаріата стала невозможной, пожалуй, на много лѣтъ.

5) Словомъ, бакунисты дали намъ въ Испаніи несравненный образчикъ того, какъ не слѣдуетъ дѣлать революцію [1]).

Теперь я прошу читателя, обладающаго хотя бы самыми элементарными свѣдѣніями о томъ, что такое ученіе Бакунина, сказать мнѣ, какое

[1]) Internationales aus dem Volksstaat, Berlin, 1894, Ss. 32—33.

отношеніе имѣютъ эти выводы къ интересующему насъ вопросу и въ какой мѣрѣ они подтверждаютъ взглядъ моего противника. Я утверждаю, что къ нашему спору они имѣютъ *только одно отношеніе*: именно, они говорятъ намъ, что *участіе соціалистовъ, въ качествѣ меньшинства, въ буржуазномъ революціонномъ правительствѣ не только смѣшно и безцѣльно, но прямо непозволительно, потому что оно даетъ буржуазіи возможность политически эксплуатировать представителей пролетаріата*. Но меня то вѣдь не смутишь этимъ выводомъ. Я говорю какъ разъ то же самое. По моему вообще участвовать въ буржуазномъ,—или въ *мелко*-буржуазномъ, это все равно,—правительствѣ соціальдемократы могутъ *только какъ меньшинство*, потому что, если они будутъ *большинствомъ*, то правительство сдѣлается уже *пролетарскимъ*, а не *буржуазнымъ*, а тогда передъ нимъ во весь свой ростъ встанетъ вопросъ о *соціалистической* революціи. Но газета „Впередъ“ твердо держалась той точки зрѣнія, что революція, предстоящая намъ, вѣрнѣе, уже начавшаяся,—теперь будетъ имѣть не пролетарскій, а буржуазный характеръ. Возражая Парвусу, одинъ изъ ея публицистовъ писалъ:

„Русскій пролетаріатъ составляетъ сейчасъ меньшинство населенія Россіи. Стать громаднымъ, подавляющимъ большинствомъ онъ можетъ лишь при соединеніи съ массой полупролетаріевъ, полухозяйчиковъ, т. е. съ массой мелкобуржуазной городской и сельской бѣдноты. И такой составъ соціальнаго базиса возможной и желательной революціонно-демократической диктатуры отразится, конечно, на составѣ революціоннаго правительства, сдѣлаетъ неизбѣжнымъ участіе въ немъ или даже преобладаніе въ немъ самыхъ разношерстныхъ представителей революціонной демократіи. („Соціальдемократія и революціонное временное правительство“. „Впередъ“, № 14).

Эти разсужденія, дѣйствительно, заставляютъ вспоминать о насмѣшкахъ Энгельса надъ бакунистами. Публицистъ газеты „Впередъ“ требуетъ, чтобы соціальдемократы участвовали въ революціонномъ правительствѣ даже въ томъ случаѣ, если въ немъ будутъ *преобладать* „самые разношерстные представители революціонной демократіи“, т. е. *мелкой буржуазіи*, т. е. тѣхъ „полухозяйчиковъ“, которые, *не захотятъ или не будутъ въ состояніи* перейти на точку зрѣнія *соціалистическаго пролетаріата*. При этомъ очень кстати онъ забываетъ сказать намъ, какимъ образомъ намъ удастся въ этомъ случаѣ избѣжать смѣшного и печальнаго положенія испанскихъ бакунистовъ, т. е. не подвергнуться маіоризаціи, политической эксплуатаціи, и не получать пинковъ со стороны „разношерстныхъ“ мелкихъ буржуа. Онъ вѣроятно, убѣжденъ въ томъ, что если „самъ“ попадаетъ въ правительство, то сумѣетъ сдѣлаться полнымъ „хозяйчикомъ“ надъ политическими представителями „*полухозяйчиковъ*“. Но это убѣжденіе, если оно существуетъ, основывается лишь на вѣрѣ въ магическую силу „самаго“ и не подкрѣпляется никакими доводами. Поэтому я имѣю полное основаніе не раздѣлять его и сказать своимъ товарищамъ, указывая на примѣръ испанскихъ бакунистовъ, участвовавшихъ въ буржуазныхъ правительствахъ: *помните, какъ не слѣдуетъ дѣлать революцію*.

Это напоминаніе, въ самомъ дѣлѣ, вполнѣ умѣстно. Но его умѣстность обусловливается не моими взглядами, а взглядами газеты „Впередъ“,

защищаемыми теперь газетой „Пролетарій“. Что же касается прочихъ выводовъ Энгельса, то они рѣшительно не примѣнимы ни ко мнѣ, ни къ тѣмъ товарищамъ, которые согласны со мною. Развѣ мы проповѣдывали когда нибудь политическое воздержаніе рабочихъ? Развѣ мы говорили, что надо уничтожить государство? Развѣ мы находили, что пролетаріатъ не долженъ участвовать въ такихъ революціяхъ, которыя не ведутъ къ немедленному и полному его освобожденію? Наконецъ, развѣ мы утверждали когда нибудь, что созданіе революціоннаго правительства есть обманъ рабочихъ и измѣна ихъ дѣлу? Ничего подобнаго этому, хотя бы и въ самой отдаленной степени, мы не проповѣдывали, не говорили, не находили и не утверждали. Если же мой противникъ, тѣмъ не менѣе, смѣшалъ наши взгляды со взглядами испанскихъ бакунистовъ, то это произошло единственно благодаря его *методу потенцированія*... своего собственнаго незнанія.

Въ самомъ дѣлѣ, какой членъ анархическаго символа вѣры имѣетъ въ виду Энгельсъ, говоря, что онъ былъ провозглашенъ совсѣмъ не задолго до описываемыхъ имъ событій? Если бы мой противникъ зналъ это, то онъ не сталъ бы сравнивать меня съ анархистами. А такъ какъ онъ этого не знаетъ, то я объясню ему, въ чемъ дѣло.

Со времени своего вступленія въ члены Международнаго Общества Рабочихъ Бакунинъ энергично проповѣдывалъ принципъ политическаго невмѣшательства пролетаріата и на рабочихъ собраніяхъ, и въ рабочихъ газетахъ. Эта проповѣдь препятствовала развитію классового сознанія пролетаріата; поэтому Марксъ нашелъ нужнымъ предложить второй лондонской конференціи (сентябрь 1871) резолюцію, напоминавшую о томъ, что программа Международнаго Товарищества Рабочихъ признаетъ политическую борьбу средствомъ экономическаго освобожденія рабочаго класса. Резолюція напоминала, кромѣ того, что пролетаріатъ обязанъ не только самъ вести политическую борьбу, но и поддерживать всякое политическое движеніе, способствующее достиженію имъ его конечной цѣли. Какъ видите, эта резолюція повторила лишь то, что высказано уже въ „Манифестѣ коммунистической партіи“. Но именно это обстоятельство и подало бакунистамъ поводъ поднять крикъ о томъ, что Марксъ навязываетъ Интернаціоналу свои собственные политическіе взгляды. Принятая лондонской конференціей резолюція Маркса встрѣчена была бакунистами до послѣдней степени враждебно, и вопросъ о политическихъ задачахъ пролетаріата былъ снова поднятъ на международномъ съѣздѣ въ Гаагѣ, гдѣ произошло, какъ извѣстно, рѣшительное сраженіе между марксистами и бакунистами. Гаагскимъ съѣздомъ принципъ политическаго воздержанія былъ осужденъ еще рѣзче, чѣмъ лондонской конференціей. Съѣздъ принялъ, по предложенію Вальяна, слѣдующее рѣшеніе: „Въ своей освободительной борьбѣ рабочій классъ можетъ дѣйствовать, какъ классъ, только въ томъ случаѣ, если онъ сплотится въ особую партію, обособленную и враждебно противостоящую всѣмъ старымъ партіямъ, созданнымъ имущими классами. Это сплоченіе рабочаго класса въ политическую партію необходимо для торжества соціальной революціи и для достиженія ея конечной цѣли, уничтоженія всѣхъ классовъ. Соединеніе силъ, уже совершенное рабочимъ классомъ въ его экономической борьбѣ, должно послужить также рычагомъ для ихъ борьбы противъ политической власти землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Въ войнѣ, ведомой рабочимъ классомъ, неразрывно соединены экономическое движеніе

и политическое дѣйствіе“ [1]). Само собою понятно, что эта резолюція такъ же мало пришлась по вкусу бакунистамъ, какъ и предыдущая. На конгрессѣ бакунистовъ въ Сэнтъ-Имье (сентябрь 1872 г.) было принято рѣшеніе, гласившее, что „всякая организація политической, такъ называемой временной или революціонной власти явилась бы обманомъ и была бы такъ же опасна для пролетаріата, какъ и всѣ существующія правительства“. Совершенно въ такомъ же духѣ высказались и испанскіе бакунисты почти наканунѣ тѣхъ событій, о которыхъ идетъ рѣчь въ статьѣ Энгельса, Когда же начались эти событія, они повели себя совсѣмъ иначе. Они не только поддерживали революціонныя правительства („хунты“) „непримиримой“ буржуазной демократіи въ возставшихъ „кантонахъ“ Испаніи, но и сами засѣдали въ этихъ „хунтахъ“. Это было вопіющимъ противорѣчіемъ, и это противорѣчіе отмѣтилъ и осмѣялъ Энгельсъ, который находился тогда подъ совсѣмъ еще свѣжимъ впечатлѣніемъ недавняго раскола въ Интернаціоналѣ. Но какимъ образомъ насмѣшки Энгельса могутъ затрогивать меня и мой взглядъ на участіе соціальдемократовъ во временномъ буржуазномъ правительствѣ? Вѣдь резолюція принятая въ Сэнтъ-Имье, имѣла въ виду не это участіе. Она повторяла на новый ладъ старую погудку анархистовъ: *политическая революція не можетъ быть средствомъ экономическаго освобожденія пролетаріата*; она осуждала *диктатуру пролетаріата* и всю вообще политическую дѣятельность этого класса, какъ ее понимаютъ марксисты. Ея антитезой была уже знакомая намъ резолюція Гаагскаго съѣзда, а вовсе не мысль о томъ, что представители пролетаріата могутъ,—не попадая въ ложное положеніе, — проникать во временныя революціонныя правительства. Эта мысль отвергалась, какъ мы уже видѣли, Энгельсомъ вполнѣ категорично, и нужно было все изумительное невѣжество моего противника, чтобы вычитать ее изъ статьи „Die Bakunisten an der Arbeit“.

Энгельсу всѣ тѣ мѣстныя возстанія, о которыхъ у него говорится, кажутся совершенно нелѣпыми, лишенными всякой серьезной цѣли, выражающими лишь самые мелочные интересы нѣкоторой части испанской мелкой буржуазіи. Онъ думаетъ, что испанскій пролетаріатъ поступилъ гораздо бы разумнѣе, если бы не вмѣшался въ это возстаніе. Рабочимъ слѣдовало, по мнѣнію Энгельса, поддержать министерство Пи-и-Маргаля, которое обѣщало имъ цѣлый рядъ соціальныхъ реформъ, прокладывавшихъ путь для соціальной революціи. „Но бакунисты,—замѣчаетъ Энгельсъ,—считавшіе себя обязанными отталкивать даже самыя революціонныя мѣропріятія, если они идутъ отъ „государства“, болѣе склонны были поддерживать самыхъ нелѣпыхъ шарлатановъ между непримиримыми, чѣмъ министра“. Этими словами прекрасно характеризуется его собственный взглядъ на то, какъ слѣдовало поступить при тогдашнихъ обстоятельствахъ соціалистическому пролетаріату Испаніи: лучше было поддерживать министра, чѣмъ пускаться въ политическія авантюры вмѣстѣ съ нелѣпыми буржуазными шарлатанами. И если мой противникъ хотѣлъ противопоставить моему мнѣнію авторитетъ одного изъ основателей научнаго соціализма, то ему слѣдовало прежде

---

[1]) Замѣчу кстати, что это какъ разъ та самая мысль, которую мы развивали въ своихъ спорахъ съ экономистами (см. мою статью: „Еще разъ соціализмъ и политическая борьба“ въ сборникѣ „На два фронта“) и которая казалась имъ не достаточно „пролетарской“.

всего остановиться на этомъ взглядѣ Энгельса, спросивъ себя: означаетъ-ли онъ, что представители пролетаріата могли не только поддерживать Пи-и-Маргаля, но и *участвовать въ его министерствѣ?* Надо надѣяться, что при нѣкоторомъ размышленіи онъ безъ посторонней помощи пришелъ бы къ *отрицательному отвѣту* на этотъ вопросъ. А разъ придя къ такому отвѣту, онъ безъ большого труда понялъ бы, что иное дѣло оказать при извѣстныхъ обстоятельствахъ поддержку извѣстному буржуазному правительству, а иное дѣло войти въ его составъ. Первое возможно, а иногда и прямо обязательно для марксистовъ; второе мыслимо только для жоресистовъ, да развѣ еще для той новой разновидности соціалистовъ, которая говоритъ устами моего противника и которую можно назвать *ублюдкомъ, происшедшимъ отъ скрещиванія бланкизма съ жоресизмомъ.*

Мой противникъ увѣряетъ, что разъ мы, — въ своихъ отношеніяхъ къ революціоннымъ партіямъ буржуазіи,—провозгласили правило: *„врозь идти, вмѣстѣ бить“*, то мы уже не можемъ, не противорѣча себѣ, отказываться отъ участія въ временномъ буржуазномъ правительствѣ. Вмѣстѣ нужно, по его словамъ, не только *бить, но и отбиваться*, т. е. сопротивляться контръ-революціи. Это неоспоримо. Но вѣдь мы совсѣмъ не о томъ и споримъ. Коли вмѣстѣ бить, то вмѣстѣ и отбиваться,— тутъ я согласенъ съ моимъ противникомъ. Но у него оказывается: „а коли вмѣстѣ отбиваться, то вмѣстѣ и *сидѣть* ... въ правительствѣ“. На это я возражаю: „это ужь отъ лукаваго; для того, чтобы вмѣстѣ отбиваться отъ реакціонеровъ, сидѣть вмѣстѣ вовсе не нужно. Сидѣть вмѣстѣ съ буржуа намъ нужно было бы только тогда, когда мы захотѣли бы вмѣстѣ съ ними отбиваться отъ революціоннаго пролетаріата“.

Что такое эти „полухозяйчики“, эти мелкіе буржуа, съ представителями которыхъ намъ пришлось бы засѣдать во временномъ правительствѣ? Это тотъ классъ, который былъ такъ мастерски характеризованъ Марксомъ въ письмѣ къ Швейцеру о Прудонѣ: „Мелкій буржуа, подобно историку Раумеру, состоитъ изъ—„съ одной стороны“ и „изъ другой стороны“. Таковъ онъ въ своихъ экономическихъ интересахъ, и *потому* таковъ въ своей политикѣ, въ своихъ религіозныхъ, научныхъ и художественныхъ взглядахъ. Таковъ онъ въ своей морали, таковъ во всемъ. Онъ—живое противорѣчіе“. Но именно потому, что онъ—живое противорѣчіе, наше отношеніе къ нему *не можетъ не быть двойственнымъ.* Мы будемъ *поддерживать* его въ его *революціонныхъ* стремленіяхъ; мы будемъ противодѣйствовать ему тамъ, гдѣ онъ выставитъ, въ борьбѣ съ крупной буржуазіей и съ пролетаріатомъ, *реакціонныя* требованія. А въ виду этого намъ *сидѣть съ нимъ въ одномъ правительствѣ невозможно.*

Одинъ изъ „передовиковъ“ газеты „Впередъ“ говорилъ (№ 12): „пролетаріатъ охотно поддержитъ крестьянство ... но непремѣнно оглядываясь и присматривая за своимъ временнымъ союзникомъ, крестьяниномъ-хозяиномъ, не выпускаетъ ли онъ свои хозяйскіе коготки“. Это правильно. Но чтобы „присматривать“ за „когтками“, *необходимо быть въ оппозиціи*, а то вонъ Мильеранъ тоже собирался „присматривать“, вступая въ министерство Вальдека-Руссо, да ничего хорошаго изъ этого не вышло.

Мой противникъ упрекаетъ Мартынова въ томъ, что тотъ будто бы

не понимаетъ высшаго жизненнаго значенія нашей программы-минимумъ. Оставляя безъ разсмотрѣнія вопросъ о справедливости этого несправедливаго упрека, я съ своей стороны замѣчу, что если бы мы, борясь за осуществленіе нашей программы-минимумъ, должны были превратиться въ мелкихъ буржуа, то ея значеніе для насъ, какъ соціальдемократовъ, было бы *не жизненнымъ*, а *смертельнымъ*. А если мы не превратимся въ мелкихъ буржуа, то даже борясь за эту программу, мы не можемъ не приходить въ частыя столкновенія съ мелкой буржуазіей. Этого могли не понимать наши блаженной памяти *народники*; но для соціальдемократа подобное непониманіе совершенно непростительно.

И замѣчательная вещь. Какъ только наши товарищи, группировавшіеся около „Впередъ“, начали лелѣять мечту объ участіи въ мелко-буржуазномъ революціонномъ правительствѣ, они заговорили языкомъ, напоминающимъ старую терминологію народниковъ. Мѣстоименіе *„мы“* стало означать у нихъ „революціонный народъ“, пролетаріатъ и крестьянство („Впередъ“ № 14), т. е. совокупность тѣхъ двухъ слоевъ населенія, экономическіе интересы которыхъ во многомъ существенно различны, какъ это старательно выясняла, въ цѣломъ рядѣ статей и фельетоновъ, именно старая „Искра“. Наши противники „оговариваются ... во избѣжаніе всевозможныхъ недоразумѣній“, что подъ республикой,—за которую они хотятъ бороться въ такомъ тѣсномъ союзѣ съ мелкой буржуазіей,— они разумѣютъ „не только и даже не столько форму правленія, сколько всю совокупность демократическихъ преобразованій нашей программы-минимумъ“. Но мелкая буржуазія совсѣмъ не обязана держаться именно нашей программы-минимумъ, составленной такими людьми, для которыхъ слово «*мы*» значило: *пролетаріатъ*. Въ экономической области мелкая буржуазія,— пока она не перешла на точку зрѣнія пролетаріата, — понимаетъ *демократизмъ* совсѣмъ не такъ, какъ *„мы“* его понимаемъ. Для *нея* демократизмъ означаетъ нѣчто въ родѣ блаженной памяти *„народнаго производства“*, которое такъ наивно и такъ нескладно идеализировали г. В. В. и компанія. Съ *этимъ* демократизмомъ у насъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Возможно ли для насъ впрячься въ правительственную колесницу подобнаго демократизма?

Публицистъ „Впередъ“ писалъ (№ 14), что „бороться за республику и въ то же время отказываться отъ революціонной демократической диктатуры, это все равно, какъ если бы Ойяма рѣшилъ бороться съ Куропаткинымъ подъ Мукденомъ, заранѣе отказавшись отъ мысли самому вступить въ Мукденъ“. По этому поводу можно было бы вспомнить французскую поговорку: comparaison n'est pas raison (сравненіе не доказательство). Но сравненіе показываетъ образъ мыслей того, кто сравниваетъ, и съ этой стороны оно даже можетъ пріобрѣсти значеніе очень убѣдительнаго доказательства. Публицистъ „Впередъ“ убѣжденъ, что отказъ отъ участія въ мелко-буржуазномъ правительствѣ означаетъ отказъ отъ революціонной демократической диктатуры, а этотъ послѣдній отказъ равносиленъ для него отказу отъ республики. Но вѣдь это именно то, что еще надо доказать. По моему, нашъ отказъ отъ участія въ „демократической“ диктатурѣ,—отъ участія, которое на самомъ дѣлѣ означало бы лишь подчиненіе пролетаріата мелко-буржуазнымъ диктаторамъ, — не только не ослабитъ силы революціоннаго движенія, но въ огромной степени увеличитъ ее и именно потому очень умножитъ шансы *республики.* Ра-

зумѣется, со мною можно не соглашаться и можно стараться опровергнуть меня. Но для моего опроверженія надо придумать что нибудь болѣе серьезное, чѣмъ „Мукденъ“, представляющій собою не болѣе, какъ petitio principii. Притомъ же, разъ уже пошло на сравненія, можно, вмѣсто Мукдена, вспомнить матушку Москву. Знатоки военнаго дѣла утверждаютъ, что Наполеонъ могъ побѣдить Россію *только въ томъ случаѣ, если бы не поддался нелѣпому искушенію „войти“ въ бѣлокаменную*. А я говорю, что участіе наше въ столь любезной моему противнику диктатурѣ было бы именно нашимъ московскимъ походомъ.

Наши противники хотятъ диктатуры „простого и чернаго народа“. Это соціально-политическая категорія, которая могла показаться опредѣленной *только народникамъ*. Мы стремимся къ *диктатурѣ пролетаріата*. А пока она невозможна, мы требуемъ, чтобы партія, представляющая интересы этого революціоннѣйшаго въ Россіи, какъ и вездѣ, класса, оставалась *въ оппозиціи ко всѣмъ буржуазнымъ партіямъ, ко всѣмъ хозяевамъ, хозяйчикамъ и полухозяйчикамъ, лишь поддерживая ихъ въ той мѣрѣ, въ какой они становятся революціонными*.

Газета „Впередъ“, съ которой совершенно согласенъ мой противникъ, понимаетъ спорный предметъ такъ, какъ будто мы можемъ придти въ противорѣчіе съ революціонной мелкой буржуазіей только въ томъ случаѣ, если мы возьмемся за осуществленіе нашей *„программы-максимумъ“*. И „Впередъ“ рѣшительно заявляетъ, что разъ его сторонники попадутъ во временное правительство, они ограничатся минимальной программой. Но вышеприведенное замѣчаніе одного изъ публицистовъ той же газеты о „хозяйскихъ коготкахъ“ должно было бы навести нашихъ „диктаторовъ“ на ту весьма простую мысль, что разногласія между нами и мелкими буржуа (ремесла, промышленности и земледѣлія) неизбѣжно возникнутъ *гораздо раньше, чѣмъ поднимется вопросъ о „конечной цѣли“ соціализма*, и что, слѣдовательно, намъ невозможно дѣлаться составною частью *ихъ* революціоннаго правительства.

Именно потому, что у *пролетаріата* никоимъ образомъ не можетъ быть полнаго единомыслія съ *хозяйчиками* и *полухозяйчиками* даже при проведеніи въ жизнь нашей *программы-минимумъ*, представители рабочаго класса, попавъ въ *хозяйское и полухозяйское правительство*, окажутся въ томъ непріятномъ положеніи, которое такъ хорошо описалъ Энгельсъ въ книгѣ „Der deutsche Bauernkrieg“. *Возможное* для нихъ будетъ зависѣть отъ степени развитія матеріальныхъ условій существованія, отношенія производства и обмѣна, а слѣдовательно и отъ тѣхъ соціальныхъ стремленій, которыя свойственны хозяйчикамъ и полухозяйчикамъ на этой степени развитія. А *желательное* и *обязательное* для нихъ будетъ опредѣляться не этой степенью развитія, не хозяйскими и полухозяйскими идеалами, а тѣми интересами пролетаріата, которые представляютъ они, соціальдемократы, и которые не могутъ быть тождественны съ интересами мелкой буржуазіи. Передъ ними явится неотступная, неразрѣшимая, губительная дилемма: то, что они будутъ въ состояніи сдѣлать, окажется во многихъ случаяхъ противорѣчащимъ непосредственнымъ интересамъ пролетаріата; то, что они обязаны были бы дѣлать, окажется во многихъ и многихъ случаяхъ неисполнимымъ. *„Кто разъ попалъ въ это ложное положеніе, тотъ пропалъ безвозвратно“*.

Я сказалъ: чѣмъ болѣе Марксъ и Энгельсъ убѣждались въ томъ, что капитализмъ еще не такъ близокъ къ своей гибели, какъ это имъ казалось въ 1848 г., тѣмъ менѣе должно было имъ казаться допустимымъ участіе пролетаріата въ мелко-буржуазномъ правительствѣ. Мой противникъ объявляетъ это замѣчаніе неправильнымъ. На самомъ дѣлѣ оно совершенно правильно, но *неудобно* для него, для моего противника. Можно высказать, какъ неоспоримое общее правило, что чѣмъ болѣе капитализмъ будетъ близиться къ своему концу, тѣмъ болѣе мелкая буржуазія будетъ склонна перейти на точку зрѣнія пролетаріата. А чѣмъ болѣе она будетъ склонна перейти на сторону пролетаріата, тѣмъ легче будетъ пролетаріату отстоять, въ союзѣ съ нею, революціонный характеръ своей собственной программы. Наоборотъ, чѣмъ болѣе далекъ капитализмъ отъ окончательной своей гибели, тѣмъ крѣпче будетъ мелкая буржуазія держаться своей противорѣчивой точки зрѣнія; тѣмъ рѣшительнѣе будетъ она отталкивать отъ себя точку зрѣнія пролетаріата; тѣмъ сильнѣе будетъ элементъ консерватизма даже въ той ея революціонной программѣ, которую она выставитъ въ борьбѣ съ феодальными элементами населенія. И тѣмъ затруднительнѣе, тѣмъ нелѣпѣе, тѣмъ убійственнѣе будетъ положеніе соціальдемократовъ, которые вздумаютъ войти въ ея правительство.

У насъ въ Россіи капитализмъ далеко еще не созрѣлъ для своей погибели. Поэтому насъ, россійскихъ соціальдемократовъ, въ мелко-буржуазномъ правительствѣ не ожидаетъ ничего, кромѣ разочарованій и . . . пинковъ. Товарищи, одобряющіе идею такого участія, хотятъ диктатуры мелкой буржуазіи *и* пролетаріата; ихъ усилія могли бы привести только *къ диктатурѣ мелкой буржуазіи надъ представителями пролетаріата*.

Добиваться этой послѣдней диктатуры можетъ быть тьма охотниковъ, я не изъ ихъ числа.

Мои противники очень любятъ пугать свою купчиху некрасивымъ словомъ *„хвостизмъ“*, принадлежащимъ къ арсеналу ихъ „жупеловъ“ и „металловъ“. Я не люблю этого неизящнаго слова. Но разъ уже я упомянулъ о немъ, я скажу, что „хвостизмомъ“ заражены именно они, мои противники: именно они, а не какіе нибудь другіе товарищи, предлагаютъ намъ играть роль *„хозяйскихъ“ и „полухозяйскихъ“ хвостиковъ*[1]).

А если ужь стремиться къ такой диктатурѣ; если ужь дойти до такого глубокаго политическаго затмѣнія и самозабвенія, тогда нечего

---

[1]) Мой отвѣтъ фельетонисту Вашей газеты уже набирался, когда я прочиталъ въ ея восьмомъ № статью *„Парижская коммуна и задачи демократической диктатуры“*. Эта статья тоже представляетъ собою историческую справку, будто бы показывающую, что хотя парижская коммуна и была—какъ называлъ ее Энгельсъ,—*диктатурой пролетаріата*, но что это не была „настоящая, чистая диктатура пролетаріата въ смыслѣ чисто-соціальдемократическаго состава ея членовъ и характера ея практическихъ задачъ“. Но дѣло не въ „составѣ членовъ“, хотя Марксъ и говоритъ, что „большинство ея (Коммуны, Г. П.) членовъ, естественно, состояло изъ рабочихъ или изъ признанныхъ представителей рабочаго класса“. Дѣло въ томъ, каково было въ тогдашнемъ Парижѣ отношеніе мелкой буржуазіи къ пролетаріату, а на это тотъ же Марксъ даетъ ясный отвѣтъ: „Это была первая революція, въ которой классъ работниковъ былъ признанъ, даже огромнымъ большинствомъ парижской буржуазіи,—лавочниками, торговцами, купцами,—исключая только крупныхъ капиталистовъ, за единственный классъ, способный къ соціальной ини-

бояться логики своихъ собственныхъ желаній: тогда нужно приспособить всю тактику къ этой цѣли; тогда надо умѣть поставить точки надъ *і*. Мой противникъ говоритъ: врозь идти, вмѣстѣ бить и вмѣстѣ отбиваться. Въ сущности для него, какъ мы уже видѣли, главное заключается въ невошедшихъ въ эту формулу словахъ: *и вмѣстѣ засѣдать въ революціонномъ правительствѣ*. Что жь, господа, засѣдайте, если у васъ есть охота и... возможность сѣсть, или, — такъ какъ засѣданіе то вѣдь даже и при охотѣ, сопровождаемой возможностью сѣсть, является пока еще дѣломъ болѣе или менѣе вѣроятнаго будущаго, — проповѣдуйте идею такого засѣданія, готовьтесь къ нему; но при этомъ будьте послѣдовательны и скажите себѣ и другимъ смѣло и откровенно:

Вмѣстѣ засѣдать, такъ ужь вмѣстѣ и шествовать.

О, я знаю, что когда вы прочтете эти мои слова, вы возмутитесь ими; вы съ раздраженіемъ засмѣетесь надъ той послѣдовательностью, которую я вамъ рекомендую. Но *другой* послѣдовательности для васъ нѣтъ и не можетъ быть, поэтому-то она одна соотвѣтствуетъ истинному, объективному смыслу вашихъ стремленій. И если только эти ваши стремленія возьмутъ верхъ въ нашей партіи; если большинство нашихъ россійскихъ товарищей усвоитъ идею вашей буржуазно-пролетарской диктатуры, тогда сдѣлается неизбѣжнымъ шагъ, многимъ изъ васъ кажущійся теперь ненужнымъ и невозможнымъ:

Вы должны будете *идти вмѣстѣ съ „соціалистами-революціонерами“*, съ тѣмъ отрядомъ россійской революціонной арміи, который

ціативѣ“. Можно ли ждать, что въ предстоящей *намъ* революціи *нашъ* пролетаріатъ добьется *такого* признанія со стороны *нашей* мелкой буржуазіи? По моему, *нѣтъ*. А по вашему какъ, товарищи? Если тоже — *нѣтъ*, то ваша „справка“ ничего не показываетъ. А если — *да*, то прямо и говорите, что приближается такая революція, которая доставитъ господство пролетаріату, поддерживаемому мелкой буржуазіей, извѣрившейся въ свои собственныя силы, въ свою собственную способность къ соціальной иниціативѣ. Но тогда будьте послѣдовательны и не бойтесь признать, что это будетъ *соціалистическая* революція, которая не только осуществитъ нашу *программу-минимумъ*, но и приведетъ насъ къ нашей *конечной цѣли*. Вѣдь, по Марксу, парижская коммуна была именно такой,—*соціалистической*,—революціей. Вашъ публицистъ *неправильно, не полно*,—цитируетъ Маркса. Онъ позабылъ привести слѣдующія его многознаменательныя слова: „Да, господа, Коммуна собиралась уничтожить эту классовую собственность, которая трудомъ большинства создаетъ богатство меньшинства. Она имѣла цѣлью экспропріацію экспропріаторовъ. Она хотѣла сдѣлать изъ индивидуальной собственности истину, превративъ средства производства, землю и капиталъ, служащія нынѣ источникомъ эксплуатаціи и порабощенія труда, въ простыя орудія свободной и ассоціированной работы“. Далѣе Марксъ прямо называетъ *коммунизмъ* цѣлью парижской коммуны. Хороша *„программа-минимумъ!“* Хороша „демократическая“ диктатура! Всякій видитъ, что тутъ рѣчь идетъ именно о нашей *конечной цѣли*. Когда мы убѣдимся, что у насъ приближается *такая* революція, тогда мы не станемъ возставать противъ идеи захвата власти, тогда мы скажемъ,—какъ я говорилъ еще въ брошюрѣ *„Соціализмъ и Политическая Борьба“*:—den Teufel halte, wer ihn hält. А пока у насъ стоитъ на очереди *буржуазная* революція, до тѣхъ поръ толковать намъ о такомъ захватѣ значитъ превращаться именно въ ублюдковъ бланкизма и жоресизма. А эта помѣсь не заключаетъ въ себѣ ровно ничего привлекательнаго, и не скрасятъ ее никакія „справки“, даже и въ томъ случаѣ, если онѣ будутъ серьезнѣе, чѣмъ та, которая сдѣлана въ № 8 Вашего, товарищи, органа.

уже теперь маршируетъ подъ знаменемъ *хозяйско-пролетарской диктатуры*.

Не только согласиться съ „соціалистами-революціонерами“ относительно тѣхъ или иныхъ революціонныхъ дѣйствій, — подобное соглашеніе вполнѣ допустимо и даже необходимо „по нонѣшнему времени“,—а именно пойти вмѣстѣ, въ тѣснемъ союзѣ, нога въ ногу и плечо съ плечомъ. И тогда „соціалисты-революціонеры“ съ торжествомъ воскликнутъ: *„соціальдемократія перестала существовать!“* И они не солгутъ... если только ваше мѣсто, мѣсто людей, измѣнившихъ прямой и очевидной обязанности представителей рабочаго класса, мѣсто ублюдковъ бланкизма и жоресизма, не займутъ другіе бойцы, марксисты, оставшіеся вѣрными своему революціонному долгу.

Но такіе люди, къ счастью, уже теперь существуютъ; уже теперь ваша идея, къ счастью, встрѣчаетъ въ нашей соціальдемократической средѣ сильный отпоръ. И я твердо вѣрю, что число ея противниковъ будетъ возростать съ каждымъ днемъ. Поэтому я не отчаиваюсь въ будущности нашей партіи. Она переживаетъ тяжелый кризисъ; она подвергается большой опасности. Но ее спасетъ сама логика вещей; ее заставитъ опомниться

„Мѣрный шагъ рабочихъ батальоновъ“...

А пока будемъ отстаивать то, что каждый изъ насъ считаетъ истиной; пока будемъ спорить. Но, ведя свои споры, не позабудемъ своего *достоинства соціальдемократовъ*. Полемика прекрасное дѣло. Умный грекъ не даромъ говорилъ, что споръ (борьба) есть отецъ всѣхъ вещей. Исторія всемірной литературы можетъ назвать имена замѣчательныхъ людей, вся литературная дѣятельность которыхъ была одною безпрерывною полемикою. Но то были большіе таланты, большіе мастера въ обращеніи съ идеями. Въ полемикѣ хороша и плодотворна имено борьба идей, а въ борьбѣ идей позволительна,—повторяю,—*рѣзкость сужденія*, но вполнѣ недозволительна *грубость выраженія*. Непозволительно въ ней и многое другое. Гегель писалъ когда-то: „Полемика, складывающаяся изъ злобныхъ инсинуацій и безвкусныхъ выходокъ, имѣющихъ притязаніе на остроуміе, слишкомъ жалка, — я не знаю, было ли бы слишкомъ сильно назвать ее паршивою (schäbig zu nennen),— для того, чтобы не отвернуться отъ нея съ отвращеніемъ“. Если вы, уважаемые товарищи, усвоите себѣ эту мысль Гегеля, то вы, я въ тотъ увѣренъ, будете полемизировать съ прежней энергіей, но... на нѣсколько на другой манеръ и безъ прежней приправы.

Будьте здоровы.

Вашъ Г. Плехановъ.

Враждующіе между собою братья.

Es ist kein Zufall und blindes Loos,
Dass die Brüder sich wüthend selbst zerstören.
Schiller: „Die Braut von Messina oder die feindlichen Brüder“.

Что долго въ себѣ я таю и ношу,
О томъ я пространно теперь напишу...
А. Толстой: „Василій Шибановъ“ (чуть-чуть видоизмѣненный).

Международный соціалистическій съѣздъ, состоявшійся въ августѣ прошлаго года въ Амстердамѣ, принялъ, между прочимъ, резолюцію, гласящую, что въ каждой странѣ должна быть только одна соціалистическая партія, подобно тому, какъ въ каждой странѣ есть только одинъ пролетаріатъ. Мы, въ лицѣ делегатовъ нашей партіи на съѣздѣ, очень одобряли эту резолюцію; мы рукоплескали ей и... раскололись на двѣ враждебныхъ организаціи. Тому изъ читателей, который не встрѣчался лично съ товарищами, принадлежащими къ соціальдемократическимъ партіямъ другихъ странъ, трудно даже и представить себѣ, какое тяжелое впечатлѣніе произвелъ нашъ расколъ на международный пролетаріатъ. Люди, самымъ искреннимъ образомъ сочувствовавшіе намъ, марксистамъ, въ нашихъ спорахъ съ соціалистами-революціонерами, находили междуособную борьбу въ нашей собственной средѣ не только лишенной всякаго серьезнаго основанія, но прямо преступной. Нѣкоторые изъ нихъ признаются, что имъ приходится теперь краснѣть за россійскую соціальдемократію. И пусть не утѣшаютъ себя россійскіе товарищи тою мыслью, что наши западно-европейскіе братья недостаточно освѣдомлены о положеніи у насъ дѣлъ. Во-первыхъ, они вообще не такъ плохо знакомы съ нашими дѣлами, какъ это думаютъ многіе изъ насъ. А, во-вторыхъ, развѣ же они не правы? Развѣ же не основательно то рѣзкое осужденіе, съ какимъ встрѣтила нашъ расколъ международная соціальдемократія? Увы! Противъ его основательности возразить ничего-невозможно. Мы въ самомъ дѣлѣ совершили настоящее политическое преступленіе: мы раскололись въ такое время, когда мы обязаны были сплотиться; мы тратили огромную часть своихъ силъ на внутрипартійную распрю въ такой моментъ, когда россійскій рабочій классъ вступалъ въ рѣшительную борьбу съ самодержавіемъ, когда онъ орошалъ землю цѣлыми потоками своей крови, и когда мы обязаны были всѣми силами стремиться къ нему на помощь. Ходъ событій былъ крайне благопріятенъ для насъ; мы не сумѣли воспользоваться имъ. Мы имѣли возможность въ огромной степени увеличить свое политическое вліяніе въ странѣ; мы ослабили его своими междоусобіями. Кто и что причиной всего этого? Упрямство Икса? Индивидуализмъ Игрэка? Неуступчивость Ивана? Распущенность Петра? Разумѣется, подобныхъ причинъ нашего великаго партійнаго несчастія можно, съ болѣе или менѣе сомнительной основательностью, — указать не мало. Но стоитъ-ли искать ихъ? Не подастъ-ли это повода къ новымъ неудовольствіямъ? И многое-ли объясняютъ въ жизни

партій личные недостатки ихъ отдѣльныхъ членовъ? Не опредѣляется-ли сознаніе бытіемъ, психологія политическихъ дѣятелей свойствами того общественнаго класса, къ которому они принадлежатъ?

Россійская соціальдемократія называетъ себя рабочей партіей. И это не самозванство съ ея стороны. Она, несомнѣнно,—рабочая партія въ томъ смыслѣ, что она стоитъ на точкѣ зрѣнія интересовъ рабочаго класса и защищаетъ эти интересы, какъ можетъ и какъ умѣетъ. Но если бы насъ спросили, какую роль играютъ рабочіе въ ея внутренней жизни, то мы, не желая скрывать истину, отвѣтили бы: почти никакой. Главнымъ вершителемъ ея судебъ являлась до сихъ поръ такъ называемая интеллигенція, и кто желаетъ понять ея исторію, тотъ долженъ прежде всего понять, что такое наши „интеллигенты“.

Интеллигентъ, это — человѣкъ умственнаго труда, что, конечно, не мѣшаетъ ему предаваться умственной лѣни. Въ качествѣ человѣка умственнаго труда онъ,—по скольку не мѣшаетъ ему его умственная лѣнь,—легко схватываетъ общія идеи и охотно распространяетъ ихъ въ окружающей его средѣ. За эти его свойства его надо признать чрезвычайно полезнымъ, а при извѣстныхъ общественно-политическихъ условіяхъ даже незамѣнимымъ „факторомъ прогресса“. Но, — извѣстно, что и на солнцѣ есть пятна, — интеллигентный „факторъ прогресса“ отличается также и крупными недостатками, въ значительной степени ослабляющими значеніе его достоинствъ. Чтобы выяснить себѣ происхожденіе этихъ недостатковъ,— не личныхъ недостатковъ икса или игрэка, Петра или Ивана, а недостатковъ цѣлаго общественнаго слоя, — полезно вспомнить слѣдующія соображенія Шопенгауэра о воспитаніи.

Шопенгауэръ говоритъ, что наши идеи родятся изъ нашихъ воспріятій и что эти вторыя должны предшествовать первымъ. Воспитаніе идетъ по этому естественному пути, когда учителемъ человѣка является опытъ. Въ этомъ случаѣ человѣкъ хорошо знаетъ, на какихъ воспріятіяхъ основывается каждая изъ его идей, и онъ умѣетъ правильно прилагать эти идеи ко всему его окружающему. Совершенно другой результатъ получается, когда его голова наполняется идеями заимствованными изъ книгъ, прежде, чѣмъ онъ пріобрѣлъ опытъ. Тогда онъ не умѣетъ обращаться со своими идеями, онъ примѣняетъ ихъ не кстати, судитъ о вещахъ и о людяхъ ошибочно, дѣйствуетъ невпопадъ. Вотъ почему, прибавляетъ Шопенгауэръ, мы встрѣчаемъ такъ много ученыхъ, которые совсѣмъ лишены здраваго смысла, столь обыкновеннаго у неученыхъ людей [1]). Намъ нѣтъ здѣсь никакого дѣла до ученыхъ; но что касается интеллигенціи, то нельзя не признать, что ея общественное воспитаніе идетъ по второму изъ указанныхъ Шопенгауэромъ путей. Интеллигенція легко усваиваетъ себѣ общія идеи, касающіяся тѣхъ отношеній, которыя существуютъ въ окружающемъ ее обществѣ. Но эти идеи не опираются на собственный опытъ „интеллигента“ и потому онѣ всегда поверхностны. „Интеллигентный“ человѣкъ не принадлежитъ ни къ одному изъ тѣхъ общественныхъ классовъ, борьбою которыхъ опредѣляется вся внутренняя жизнь общества: онъ не капиталистъ, не рабочій, не землевладѣлецъ, не мелкій буржуа промышленности или земледѣлія. Онъ живетъ

[1]) Parerga und Paralipomena, zweiter Band, XXVIII, „Ueber Erziehung“.

внѣ этихъ классовъ, хотя иногда стоитъ и близко отъ нихъ, и если онъ судитъ объ ихъ положеніи и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, то судитъ именно по книгамъ, а не на основаніи собственнаго опыта. Уже одного этого обстоятельства достаточно для того, чтобы ввести въ его сужденія и дѣйствія весьма значительный элементъ ошибки. Къ этому надо прибавить, правда, что книгъ „интеллигентъ“ читаетъ — вслѣдствіе умственной лѣни,—обыкновенно очень не много и что онъ тѣмъ меньше читаетъ ихъ,—тѣмъ больше лѣнится,—чѣмъ больше стремится стать „практикомъ“. Но эта... умѣренность въ чтеніи нисколько не уменьшаетъ для него шансовъ ошибки. Такъ какъ его идеи приходятъ къ нему все-таки изъ книгъ, а не изъ опыта, то чѣмъ меньше онъ читаетъ, тѣмъ отвлеченнѣе онъ разсуждаетъ, т. е. тѣмъ болѣе рискуетъ ошибиться. Въ нашей революціонной средѣ отвлеченнымъ характеромъ своихъ сужденій отличаются особенно „практики“. Эти „практики“ — самыя отвлеченныя существа въ мірѣ. Но отвлеченное мышленіе это — мышленіе по тому методу, который у Гегеля, а вслѣдъ за Гегелемъ и у Энгельса, назывался метафизическимъ. Метафизикъ мыслитъ по формулѣ: „да — да, нѣтъ — нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго“. Онъ не понимаетъ, что отвлеченной истины нѣтъ, что истина всегда конкретна, что все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. Онъ и на истину смотритъ независимо отъ времени и мѣста, съ точки зрѣнія безкровной абстракціи. Ему чуждо сознаніе того, что, вслѣдствіе перемѣны обстоятельствъ, истина становится заблужденіемъ, а заблужденіе можетъ оказаться истиной. Онъ знаетъ лишь отвлеченную противоположность между истиной и заблужденіемъ. Поэтому онъ, какъ Саладинъ въ „Натанѣ Мудромъ“, очень нетерпѣливъ въ исканіи истины; онъ хочетъ, чтобы она была дана въ готовомъ видѣ, чтобы она находилась на лицо, „какъ будто истина монета“. А разъ онъ пріобрѣлъ нѣкоторый запасъ истины, разъ онъ положилъ нѣсколько „монетъ“ въ свою голову, онъ воображаетъ, что завладѣлъ всѣмъ богатствомъ всего міра, и вы только даромъ потратите трудъ и время, если станете доказывать ему, что цѣнность его духовнаго имущества очень относительна. Онъ придаетъ ей абсолютное значеніе и объявляетъ ложью все, что выходитъ изъ узкихъ рамокъ добытой имъ истины. Кому извѣстна исторія нашихъ революціонныхъ идей — особенно тѣхъ, которыя относятся къ „практикѣ“,— тотъ знаетъ, что въ моихъ словахъ нѣтъ ни тѣни преувеличенія. Когда на „монетѣ“, попавшей въ головы „практиковъ“ стоитъ штемпель: „пропаганда“, тогда предается анафемѣ всякое покушеніе на „агитацію“; когда на монетѣ выбита „агитація“, тогда сторонникъ „пропаганды“ представляется чуть-ли не исчадіемъ ада и такъ далѣе, и такъ далѣе. Съ нашими „практическими“ идеями происходитъ какъ разъ то, о чемъ говоритъ Гёте въ стихотвореніи „Politica“:

Bei einer grossen Wassernot
Rief man zu Hilfe das Feuer;
Da ward sogleich der Himmel rot,
Und nirgend war es geheuer...

Я очень хорошо помню то сравнительно недавнее время, когда мнѣ приходилось доказывать моимъ товарищамъ соціальдемократамъ, что безъ организаціи невозможна никакая серьезная работа. Мнѣ возражали, что отсутствіе организаціи предохраняетъ отъ „проваловъ“, а мое несогласіе съ

этимъ изумительнымъ мнѣніемъ объясняли тѣмъ, что я еще не совсѣмъ раздѣлался съ предразсудками революціонеровъ семидесятыхъ годовъ. Это время круто смѣнилось другимъ, когда организація была у всѣхъ на устахъ, и когда каждый хотѣлъ, чтобы планъ организаціи былъ на лицо; чтобы его дали въ совершенно законченномъ видѣ. „Какъ деньги прячутъ въ кошелекъ“, такъ каждый хотѣлъ спрятать планъ организаціи въ свою голову. А когда явился такой планъ, за него ухватились зубами, и малѣйшее отступленіе отъ него стало представляться ересью, „оппортюнизмомъ“. Такимъ образомъ вышло то, что стремленіе къ организаціи привело насъ къ расколу, т. е. дезорганизовало наши силы. А между тѣмъ, казалось бы, легко понять, что если гдѣ вреденъ узкій духъ исключительности, то именно тамъ, гдѣ поднимается вопросъ о „собираніи земли“, о „строеніи партіи“. Тутъ ничего не сдѣлаешь по метафизической формулѣ: „да — да, нѣтъ — нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго“. Организаторъ необходимо долженъ быть діалектикомъ. Это прекрасно понималъ великій мастеръ діалектическаго мышленія, Платонъ, который видѣлъ невыгодную сторону законнаго порядка вещей въ томъ, что „законъ всегда направленъ на одно и то же, какъ упрямый и грубый человѣкъ, который не допускаетъ ничего противоположнаго его распоряженію и не выслушиваетъ разсужденій даже въ томъ случаѣ, если кому нибудь пришло въ голову нѣчто лучшее, чѣмъ установленный имъ порядокъ“. Нашъ „законъ“, наши кружковые и партійные уставы не имѣютъ никакой принудительной силы, а потому они должны отличаться особенной гибкостью: они непремѣнно сдѣлаются источникомъ расколовъ, если уподобятся „упрямому и грубому человѣку“. Но у насъ упрямство и грубость, не допускающія ничего противоположнаго своимъ распоряженіямъ, сочтены были признакомъ политической мудрости и выраженіемъ твердости духа. Я никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня разговоромъ съ однимъ молодымъ „практикомъ“, который принадлежалъ къ такъ называемому большинству и котораго я, вскорѣ послѣ нашего второго съѣзда, пытался убѣдить въ томъ, что интересы нашей партіи требуютъ отъ насъ возможно болѣе быстраго улаженія нашихъ недоразумѣній съ такъ называемымъ меньшинствомъ. Мой молодой товарищъ твердо держался того убѣжденія, что ихъ, — т. е. „меньшевиковъ“, — надо гнать въ шею, и какіе доводы я ни приводилъ противъ цѣлесообразности подобной политики, онъ тихо, но упрямо повторялъ: „въ шею! въ шею!“ Извольте организовать что нибудь при столь... лаконическомъ образѣ мыслей!

При такомъ характерѣ мышленія революціонная мысль можетъ двигаться впередъ только посредствомъ перехода отъ одной крайности къ другой. По этому поводу можно было бы, пожалуй, сказать, что все движеніе человѣчества совершается посредствомъ противоположностей. Но иное дѣло великія историческія противоположности, порождаемыя борьбой классовыхъ интересовъ, а иное дѣло узкія крайности „интеллигентныхъ“ сектантовъ, порождаемыя именно неспособностью этихъ сектантовъ стать на точку зрѣнія какого нибудь великаго общественнаго класса. Узкая односторонность „интеллигентнаго“ мышленія увѣковѣчиваетъ наши распри, потому что торжество одного оттѣнка мысли, одного кружка, одной секты заключаетъ въ самомъ себѣ необходимость появленія новаго оттѣнка мысли, новой секты, новаго кружка, новаго раскола. И всѣ эти расколы замед-

ляютъ наше поступательное движеніе. Они представляютъ собою навозъ, повышающій урожай однѣхъ только посредственностей.

Само собою разумѣется, что, объясняя подобные „промахи незрѣлой мысли“, надо принимать во вниманіе не только общія отличительныя свойства данной общественной среды, но также и особенности *даннаго историческаго момента*. Въ странахъ, пользующихся благами политической свободы, самый абстрактный „интеллигентъ“ пойметъ, что невозможно „построить партію“ на лаконическомъ правилѣ „гони въ шею“. Если многіе изъ нашихъ товарищей въ своей „организаторской“ дѣятельности уподоблялись тому щедринскому администратору, который, изыскивая мѣры къ поднятію благосостоянія инородцевъ, населяющихъ Мамадышскій уѣздъ, находилъ, что однихъ изъ оныхъ инородцевъ надо истребить, а другихъ заточить и тогда край несомнѣнно процвѣтетъ; если наши *организаторы* проявили преимущественно *дезорганизаторскія* способности, то въ этомъ много виновата общая политическая невоспитанность россійскихъ человѣковъ. Но въ интересующемъ насъ случаѣ особенности историческаго момента только придаютъ крайнюю, почти каррикатурную выпуклость тѣмъ чертамъ, которыя вообще свойственны „интеллигентамъ“. „Интеллигенты“ всегда и вездѣ были склонны къ метафизическому мышленію; „интеллигенты“ никогда и нигдѣ собственными силами не могли выйти за узкіе предѣлы кружковщины и сектантства. У насъ эти недостатки умственнаго склада „интеллигентнаго“ человѣка дали себя почувствовать сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо просто потому, что въ Россіи интеллигенціи дольше чѣмъ гдѣ нибудь пришлось тянуть свою историческую лямку внѣ органической связи съ тѣми элементами населенія, которые одни только и могли дать ея дѣятельности прочное общественное основаніе, т. е. съ „народомъ“.

„Интеллигентъ“ мыслитъ до крайности отвлеченно. Онъ *метафизикъ* до конца ногтей. Это не единственный его грѣхъ. Онъ кромѣ того большой *индивидуалистъ*. И онъ останется имъ, какъ бы ни увлекался онъ *соціализмомъ*. Даже когда онъ идетъ на смерть за „соціальную идею“, ему не удается совлечь съ себя ветхаго Адама. Эта черта его „сознанія“ стоитъ въ тѣсной связи съ характеромъ его „бытія“. Рабочій трудится вмѣстѣ съ себѣ подобными и борется вмѣстѣ съ ними за лучшія условія существованія. Онъ чувствуетъ себя силой, сознаетъ себя человѣкомъ преимущественно тогда, когда идетъ въ ногу съ другими. Къ рабочему больше всего подходитъ опредѣленіе Аристотеля: человѣкъ есть общественное животное. Къ „интеллигенту“ оно примѣнимо только съ очень большими оговорками. Ему, конечно, тоже нужно общество; но общество нужно ему, какъ фонъ, на которомъ видѣляется его „личность“, какъ хоръ, воспѣвающій его подвиги. Интеллигенція почти сплошь состоитъ изъ микроскопическихъ сверхъ-человѣковъ. Ну, а извѣстно, что сверхъ-человѣкъ — индивидуалистъ по ремеслу. Это господство индивидуализма въ психологіи „интеллигента“ обусловливается характеромъ его труда и его положеніемъ въ обществѣ. „Интеллигентъ“ работаетъ,—когда работаетъ,— „головою“, а работа „головою“ есть *работа въ одиночку*. Исключенія, разумѣется, бываютъ и здѣсь. Но кто не знаетъ, что они очень рѣдки? Когда человѣкъ работаетъ въ одиночку, то ему другіе люди нужны лишь, какъ цѣнители продуктовъ его труда, и тутъ его „коллеги“—, работники одной съ нимъ спеціальности, являются не столько *его товарищами*, сколько его

конкуррентами. Его point d'honneur заключается не въ томъ, чтобы поддержать другихъ, а въ томъ, чтобы выдвинуться передъ другими. Да и въ чемъ онъ будетъ поддерживать своихъ конкуррентовъ-товарищей? Когда рабочіе вступаютъ въ борьбу со своимъ нанимателемъ за лучшія условія труда, они дѣлаютъ важное историческое дѣло даже въ томъ случаѣ, когда остаются на точкѣ зрѣнія чистаго трэдъ-юніонизма: объективная логика борьбы наемнаго труда съ капиталомъ ведетъ къ устраненію капиталистическихъ отношеній производства. И всякій трэдъ-юніонистъ смутно сознаетъ величіе своего дѣла. А что измѣнится, если адвокаты стакнутся между собою для полученія со своихъ „кліентовъ“ болѣе высокаго „гонорара“? Что измѣнится, если врачи станутъ требовательнѣе по отношенію къ своимъ паціентамъ? Ничего, кромѣ доходовъ адвокатовъ и медиковъ. То новое распредѣленіе дохода, которое вызвала бы ихъ борьба, не можетъ повести къ измѣненію производственныхъ отношеній, т. е. не можетъ имѣть никакого вліянія на ту основу, отъ которой зависитъ въ послѣднемъ счетѣ весь общественный строй. Вотъ почему въ борьбѣ „интеллигентовъ“ за лучшія условія труда — какъ ни необходима иногда эта борьба, напримѣръ, тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ оплатѣ труда учителей въ низшихъ школахъ,—не можетъ быть ничего „идеальнаго“. И вотъ почему „интеллигентъ“, когда онъ склоненъ къ идеальнымъ порывамъ, борется не за свои, а за чужіе интересы, — въ настоящее время за интересы рабочаго класса. Онъ объясняетъ этотъ несомнѣнный фактъ своимъ безкорыстіемъ; но на самомъ дѣлѣ это объясняется тѣмъ характеромъ его труда и тѣми особенностями его общественнаго положенія, которые сообщаютъ его психологіи такія выпуклыя черты индивидуализма. Именно то обстоятельство, что онъ борется не за себя, а за другихъ, даетъ ему поводъ съ удовольствіемъ оглянуться на себя и сказать, подобно евангельскому фарисею: „благодарю тебя, господи, за то, что я не похожъ на мытаря“. А разъ человѣкъ началъ съ удовольствіемъ оглядываться на себя и наслаждаться сознаніемъ своего превосходства надъ „мытарями“, онъ не преминетъ кинуть взоръ и на своего товарища въ дѣлѣ перехода на точку зрѣнія обиженныхъ и униженныхъ. Онъ ревниво спроситъ себя, не уступаетъ ли онъ своему товарищу въ самоотверженіи, въ энергіи, въ широтѣ взглядовъ или въ чемъ нибудь подобномъ. Словомъ, и тутъ его *товарищъ* непремѣнно станетъ для него *конкуррентомъ*. Психологія сверхъ-человѣковъ даетъ себя знать даже тамъ, гдѣ они отстаиваютъ великіе интересы человѣчества. Лессингъ называлъ актеровъ самой щепетильной разновидностью людей въ мірѣ. Онъ былъ несправедливъ къ актерамъ, потому что ему не приходилось встрѣчаться съ „профессіональными революціонерами“ изъ интеллигентной среды. У этихъ послѣднихъ щепетильностъ доходитъ до апогея и дѣлаетъ то, что попытка „построить“ изъ нихъ партію столь же утопична, какъ была бы утопична мысль построитъ изъ „сыпучаго“ песку нѣчто подобное Эйфелевой башнѣ.

Раздражительная щепетильность „интеллигента“, какъ проклятіе тяготѣетъ на всей его дѣятельности: она дѣлаетъ невозможнымъ сколько нибудь значительное сплоченіе революціонныхъ силъ интеллигенціи; она чрезвычайно усиливаетъ раздоры, порождаемые узкой односторонностью „интеллигентнаго“ мышленія, и если эти раздоры служатъ навозомъ, повышающимъ урожай вліятельныхъ и самодовольныхъ посредственностей, то они же даютъ широкій просторъ маленькимъ кружковымъ Макіавелли,

практикующимъ правило: „цѣль оправдываетъ средство“, и крошечнымъ кружковымъ честолюбцамъ, ставящимъ возвышеніе своего драгоцѣннаго *я* главною цѣлью своей революціонной работы. Жалобы на это раздавались у насъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ началось революціонное движеніе интеллигенціи. Покойный В. Смирновъ, описывая „занятія“ въ кружкахъ интеллигенціи, уже въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ говорилъ:

„Чаще всего кружокъ дѣлается ареною для борьбы наиболѣе испорченныхъ, наиболѣе тщеславныхъ и самолюбивыхъ его членовъ. Желаніе быть королемъ хоть въ деревнѣ, первымъ пѣтухомъ въ околодкѣ, на котораго любовались бы всѣ сосѣдскія куры, и которому завидовали бы всѣ сосѣдскіе пѣтухи, обыкновенно такъ сильно у такихъ личностей, что у нихъ не остается даже и блѣдныхъ воспоминаній о томъ дѣлѣ, за которое они взялись. Борющіеся „дѣятели“, съ рвеніемъ, достойнымъ русскихъ земскихъ и думскихъ выборныхъ людей, стараются превзойти другъ друга въ искусствѣ подставлять подножки и капканы, въ хитрости и сложности „конспираций“ другъ противъ друга, въ силѣ и мѣткости взаимно-наносимыхъ ударовъ. Остальные члены кружка не остаются равнодушными зрителями: они спѣшатъ бросить всѣ кружковыя занятія, кромѣ этой борьбы, которая представляетъ предметъ, болѣе доступный ихъ пониманію, и не требуетъ ничего отъ нихъ, кромѣ благопріобрѣтенныхъ и унаслѣдованныхъ качествъ привилегированнаго человѣка со всею глубиною его эгоистическаго разврата. Кружокъ дѣлится на два лагеря, изъ которыхъ каждый числится подъ покровительствомъ одного изъ дерущихся пѣтуховъ и защищаетъ его отъ всего своего куринаго сердца. Въ общей свалкѣ каждый старается о томъ, чтобы утопить противниковъ въ самыхъ зловонныхъ помояхъ, каждый старается укусить другого въ самое чувствительное мѣсто. Дымъ коромысломъ отъ клеветъ, сплетень, ругани. Исходъ такихъ занятій очевиденъ: глубоко-деморализованный кружокъ этихъ смѣхотворныхъ дѣятелей распадается на два; эти два въ скорости еще на два, и т. д.“ [1]).

Каждому изъ насъ приходилось, къ сожалѣнію, созерцать эту непривлекательную картину—и не только тамъ, на отдаленнѣйшей „периферіи“, въ „кружкахъ для занятій съ молодежью“. Нѣтъ, мы наблюдали ее совсѣмъ близко отъ „центровъ“ ... Кто слѣдитъ за ссорой „большинства“ съ „меньшинствомъ“, тотъ и теперь можетъ видѣть ее во всей ея красотѣ. Шли годы, смѣнялись событія, въ Россіи выросъ и политически возмужалъ новый классъ населенія: пролетаріатъ, бывшій еще въ пеленкахъ въ то время, когда покойный В. Смирновъ писалъ свою статью о „революціонерахъ изъ привилегированной среды“, а характеръ „интеллигентнаго“ россійскаго человѣка оставался такимъ же, какъ былъ: горбатаго исправитъ могила.

Наша соціальдемократія не имѣла бы ровно никакой будущности, если бы ея судьба зависѣла только отъ интеллигенціи. Къ счастью, она зависитъ не только отъ нея. Соціальдемократія — партія рабочей массы. И тотъ періодъ ея исторіи, который она переживала въ Россіи (и который характеризуется преобладаніемъ интеллигенціи), есть собственно то, что нѣмцы называютъ Vorgeschichte, предварительная исторія, а лучше сказать—доисторическій бытъ. Конецъ этому быту, съ его бурями

[1]) „Впередъ“, непериодическое обозрѣніе, № 2, 1874 г., отдѣлъ первый, стр. 140.

въ стаканѣ воды и съ его взаимнымъ соперничествомъ сверхъ-человѣковъ, придетъ тогда, когда соціалистическое движеніе сдѣлается массовымъ. И такое время уже не за горами, оно уже близится, оно уже наступаетъ.

Посмотрите, что происходитъ на нашей родинѣ: революціонное движеніе рабочей массы уже не укладывается въ узкія рамки созданной интеллигенціей партійной организаціи; эти узкія рамки трещатъ и ломаются со всѣхъ сторонъ, и „интеллигентные“ руководители, еще не далѣе, какъ вчера, считавшіе рабочихъ недостаточно зрѣлыми для вступленія въ святилище „комитетовъ“, начинаютъ сознавать, что старые типы революціонныхъ организацій такъ же мало соотвѣтствуютъ революціоннымъ потребностямъ нынѣшняго времени, какъ мало соотвѣтствовали бы игрушечныя лопаты, грабли и вилы земледѣльческимъ нуждамъ взрослаго крестьянина. Теперь самъ пролетаріатъ, правда, пока еще только какъ бы ощупью, старается найти подходящія для него организаціонныя формы, ломая сдерживающія его полицейскія рогатки и создавая открытые союзы. Въ этой сторонѣ и лежитъ широкая область нашего будущаго: „интеллигентныя“ организаціи, съ ихъ „центрами“ и „периферіями“, съ ихъ маленькими „героями“ и съ ихъ игрушечными „толпами“, отходятъ въ область отживающаго прошлаго, и какъ ни плохо идутъ подчасъ дѣла въ этихъ организаціяхъ, какъ ни сильно терзаютъ одинъ другого враждующіе между собою братья, какъ ни вредитъ ихъ братоубійственная вражда нашему общему дѣлу, но унывать намъ все-таки нѣтъ основанія. Теперь уже приходитъ къ концу наша Vorgeschichte, кончается наше „наканунѣ“ и близится „настоящій день“. Теперь уже не долго хозяйничать „интеллигентнымъ“ сверхъ-человѣкамъ, теперь пролетаріатъ идетъ...

Смыслъ всего сказаннаго мною не нуждается, я думаю, въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ; онъ хорошо выражается словами шиллеровскаго хора изъ „Мессинской невѣсты“: совсѣмъ не случайно то, что братья съ яростью уничтожаютъ другъ друга. Но Шиллеровскій хоръ объясняетъ вражду между братьями тѣмъ обстоятельствомъ, что прокляты были нѣдра родившей ихъ матери, а у меня дѣло объясняется болѣе прозаично: „интеллигентной“ психологіей, въ свою очередь объясняющейся положеніемъ и ролью интеллигенціи въ обществѣ. Что касается до психологіи, то мнѣ могутъ, пожалуй, сдѣлать слѣдующее возраженіе:

„Посмотрите на соціалистовъ-революціонеровъ, — скажутъ мнѣ — преобладаніе „интеллигенціи“ въ ихъ средѣ еще несравненно сильнѣе, чѣмъ въ вашей; это партія „интеллигентовъ“ по преимуществу, а между тѣмъ о распряхъ между ними что-то совсѣмъ не слышно“.

Отвѣчаю: „соціалисты-революціонеры“ вообще — консерваторы по своимъ взглядамъ и привычкамъ. Они лучше насъ блюдутъ правила „древляго“ революціоннаго „благочестія“, а эти правила запрещали, какъ извѣстно, выносить соръ изъ революціонной избы. Но если соръ оставался въ избѣ, то это еще не значитъ, что его не было. Правда уже тотъ фактъ, что раздоры, по всей вѣроятности, существующіе между „соціалистами-революціонерами“, не ведутъ къ расколамъ, указываетъ на ихъ сравнительную слабость. Это объясняется, по моему мнѣнію, тѣмъ, что „соціалисты-революціонеры“ не только консерваторы въ революціи, но еще и побѣжденные консерваторы. Непріязнь къ новаторамъ, сбившимъ ихъ съ ихъ старыхъ позицій „господствовавшей партіи“, дѣлаетъ

ихъ болѣе солидарными между собою. А на насъ непріязненное отношеніе къ намъ „соціалистовъ-революціонеровъ“ не можетъ оказывать такого сдерживающаго вліянія, потому что мы мало, — слишкомъ мало, — считаемся съ ними, смотря на нихъ какъ на безсильные обломки старины.

И это еще не все. Наши раздоры отчасти питаются тѣмъ самымъ духомъ новаторства и задоромъ, свойственнымъ всѣмъ новаторамъ, которымъ отличается соціальдемократія въ идейномъ отношеніи. Это можетъ показаться парадоксомъ, но это такъ. Чтобы возстать противъ правилъ „древляго благочестія“, чтобы разрушить мертвую революціонную догму, намъ нужно было имѣть тотъ особый родъ мужества и тотъ особый родъ задора, которымъ далеко не всегда обладаютъ даже крайніе революціонеры: намъ нужно было отважиться совершить революцію въ революціи. Эта революція давно уже совершена нами; но своеобразный революціонный задоръ, который былъ необходимъ для ея совершенія, остался во всей силѣ. Намъ хочется продолжать революцію, хотя продолжать ее при нынѣшнемъ нашемъ положеніи значитъ ослаблять свои собственныя позиціи. Это отражается даже на нашихъ манерахъ и на нашемъ обращеніи съ людьми. Многіе наши товарищи, особенно изъ тѣхъ, что побойчѣе, говорятъ и пишутъ такимъ рѣшительнымъ и даже угрожающимъ тономъ, какъ будто они, по выраженію Гоголя, собираются кого прибить. Наши нынѣшніе революціонеры въ революціи забываютъ, что событія не повторяются и что тотъ, кто стремится сыграть во второй разъ уже сыгранную трагедію, рискуетъ разыграть фарсъ. Мы платимся въ этомъ случаѣ за свои прежнія побѣды. Мы дорого платимся за нихъ; но эта дорогая расплата только подтверждаетъ то, что я сказалъ выше о психологіи интеллигенціи и о сверхъ-человѣкахъ: если бы эта психологія была другая, то меньше, несравненно меньше было бы между нами охотниковъ разыгрывать жалкіе фарсы изъ подражанія тѣмъ, которымъ суждено было участвовать въ великой трагедіи.

Но какъ бы тамъ ни было, а неоспоримо, что съ выступленіемъ пролетаріата на историческую сцену Россіи исчезнетъ,—хотя, можетъ быть, и не сразу,—духъ „интеллигентной“ кружковщины, такъ сильно мѣшавшій намъ до сихъ поръ пользоваться такъ благопріятно для насъ складывающимися обстоятельствами. Мы имѣемъ полное право надѣяться на лучшее будущее. Наша соціальдемократія заслуживаетъ строгаго осужденія, поскольку ея „интеллигентныя“ качества вредятъ революціонному дѣлу. Однако, осуждая ее, не надо забывать и о томъ, что составляло ея сильную сторону и что доставило ей господство въ революціонной средѣ. Какъ ни узко, какъ ни односторонне усвоила она идеи Маркса, но эти великія идеи все-таки дали ей способность предвидѣть событія. „Всякій отдѣльный человѣкъ,—говоритъ Гегель,—есть слѣпое звено въ цѣпи абсолютной необходимости, въ которой развивается міръ. Всякій человѣкъ можетъ возвыситься до господства надъ значительнымъ отрывкомъ этой цѣпи лишь въ томъ случаѣ, если познаетъ, куда стремится великая необходимость и съ помощью этого познанія можетъ высказать волшебныя слова, вызывающія ея образъ“. Наша соціальдемократія познала, куда стремилась великая необходимость въ экономическомъ развитіи нашей страны. И если, благодаря своей „интеллигентной“ природѣ, она не сумѣла возвыситься до всего возможнаго для нея господства надъ событіями, то все-таки ей

удалось высказать волшебныя слова, которыя ручаются за то, что дѣйствительность въ концѣ концовъ не обманетъ ея ожиданій.

Повторяю, мы имѣемъ полное право надѣяться на лучшее будущее. Но мы не имѣемъ права спокойно сложить руки на груди въ его ожиданіи. Ибсенъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Я не хочу, чтобы мое платье пачкалось уличною грязью. Я хочу въ чистыхъ праздничныхъ одеждахъ ожидать слѣдующаго дня“. Для убѣжденнаго соціальдемократа подобное предпраздничное поведеніе прямо непозволительно. Онъ обязанъ работать, несмотря на грязь кружковыхъ ссоръ, сплетень и столкновеній. Именно—несмотря, потому что и смотрѣть-то на нихъ нѣтъ никакой надобности. Заниматься ими, это все равно, что играть пустыми орѣхами на пустые орѣхи, какъ выразился однажды Шиллеръ (mit hohlen Nüssen um hohle Nüsse spielen). Серьезному человѣку такое препровожденіе времени не доставитъ ни малѣйшаго удовольствія. Но вѣдь можно употребить свое время иначе; можно работать для уменьшенія того вреда, который приносится намъ склонностью къ игрѣ въ пустые орѣхи. Тѣмъ болѣе можно, что все расширяющееся и все углубляющееся движеніе пролетаріата, навѣрно, окажетъ свое оздоровляющее вліяніе на профессіональныхъ революціонеровъ изъ привилегированной среды и хоть немножечко измѣнитъ ихъ нравы. А чтобы успѣшнѣе работать въ этомъ направленіи, необходимо выяснить себѣ, что вышло у насъ отъ нашей затѣи „построить“ изъ интеллигентнаго песку россійскую соціальдемократическую рабочую партію.

Со времени нашего второго съѣзда дезорганизаторская дѣятельность россійской соціальдемократической интеллигенціи совершалась, какъ я уже сказалъ, подъ знаменемъ организаціи. При этомъ уже скоро послѣ названнаго съѣзда ясно опредѣлилось два стремленія: одно, которое я назову стремленіемъ къ крайней заговорщицкой централизаціи; другое, которое послѣ рѣшеній, принятыхъ на такъ называемой первой общерусской конференціи, можно назвать стремленіемъ къ крайней децентрализаціи. Именно, борьба этихъ двухъ стремленій и расколола нашу партію. Теперь у насъ есть двѣ организаціи, каждая изъ которыхъ своимъ складомъ, надо надѣяться, вполнѣ соотвѣтствуетъ идеалу своихъ членовъ. „Большевики“ подъ названіемъ партіи образовали организацію заговорщиковъ, о которой я скажу, какъ говорилъ Гегель о виртембергской конституціи: „Въ концѣ концовъ въ ней все вертится вокругъ одного человѣка, который ex providentia majorum соединяетъ въ себѣ всѣ власти“. Человѣкъ, соединившій въ себѣ всѣ организаціонныя власти, увѣряетъ, что избавилъ партію отъ ига „заграничниковъ“; на самомъ же дѣлѣ именно теперь „партія“, — т. е. одна изъ ея частей, — попала подъ иго заграничника, который, — въ своемъ качествѣ заграничника,—будетъ несравненно долговѣчнѣе всѣхъ остальныхъ своихъ товарищей по Центральному Комитету. Тѣхъ рано или поздно арестуютъ, а онъ все будетъ сидѣть на своемъ мѣстѣ. Время уйдетъ, а онъ не уйдетъ. И такъ какъ онъ не уйдетъ; такъ какъ измѣнять виртембергскую конституцію вовсе не въ его интересахъ, то ни на какія перемѣны въ ней разсчитывать невозможно. Организація „большевиковъ“ достигла въ ней „твердости“ кристаллическихъ породъ.

Съ другой стороны такъ называемые меньшевики дали на своей

конференціи самый полный просторъ своему безпредѣльному стремленію къ децентрализаціи. Они отчасти напоминаютъ ту сказочную лягушку-царевну, которая, когда Ивану-царевичу нужно было во что бы то ни стало сшить къ слѣдующему утру праздничное платье, взяла дорогую матерію, изрѣзала ее на мелкіе кусочки и выкинула за окно, спокойно проговоривши: „завтра утромъ все будетъ готово“. Сказка утверждаетъ, что на слѣдующее утро совсѣмъ готовое платье въ самомъ дѣлѣ влетѣло въ окошко. Я не знаю, произойдетъ ли такое же чудо у „меньшевиковъ“, боюсь, что — нѣтъ, ибо въ наше время чудеса рѣдки, а лягушки только квакаютъ и не обладаютъ болѣе никакакой волшебной силой. Наши враждебные централизму Иваны-царевичи могутъ оказаться вовсе безъ платья. Но первая половина дѣла во всякомъ случаѣ сдѣлана: матерія изрѣзана на куски и выброшена на улицу. Организація меньшевиковъ дошла теперь до того же децентрализованнаго состоянія, какое свойственно туманнымъ массамъ.

Выходитъ, что обѣ, такъ долго воевавшія между собою стороны могутъ быть довольны. А кто доволенъ, тому нечего горячиться, и онъ можетъ спокойно обдумать свои дальнѣйшіе шаги.

Когда-то въ Невшателѣ происходили сильные религіозные споры по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли считать вѣчными тѣ муки, которыя предстоятъ грѣшникамъ на томъ свѣтѣ. Между споривішими объ этомъ интересномъ и важномъ вопросѣ особенно выдавалась своею „твердо-каменностью“ секта, непремѣнно хотѣвшая, чтобы муки были вѣчными. Такъ какъ Невшатель находился тогда въ зависимости отъ Пруссіи, то дѣло дошло до прусскаго короля, которымъ былъ Фридрихъ „Великій“. Король-философъ высказался о немъ съ полнымъ благоразуміемъ. Онъ отвѣтилъ, что хотя онъ, любя своихъ подданныхъ, очень желалъ бы, чтобы ихъ не вѣчно мучили на томъ свѣтѣ, но разъ они предпочитаютъ вѣчныя муки, то, „qu'à cela ne tienne, пусть будетъ по-ихнему“, пусть загробныя муки ихъ будутъ вѣчными. Вотъ съ такимъ же благоразуміемъ должны, по моему, относиться къ организаціоннымъ стремленіямъ враждующихъ между собою братьевъ тѣ изъ насъ, которые не принадлежатъ ни къ „меньшевикамъ“, ни къ „большевикамъ“. Если „большевики“ непремѣнно желаютъ подвергаться вѣчнымъ мукамъ Ленинскаго централизма, то пусть подвергаются; если „меньшевики“ непремѣнно хотятъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ Мартовской децентрализаціи, qu'à cela ne tienne: пусть наслаждаются. Но, удовлетворивъ свои стремленія, дости гнвъ своего организаціоннаго идеала, каждый изъ враждующихъ между собою братьевъ обязанъ оглянуться вокругъ и спросить себя, какая изо всѣхъ революціонныхъ организацій, существующихъ рядомъ съ нимъ, ближе къ нему, чѣмъ всѣ остальныя. На этотъ вопросъ „меньшевики“ не могутъ не отвѣтить: организація „большевиковъ“, а „большевики“ — организація „меньшевиковъ“. А если это такъ, то обѣ организаціи должны подумать о взаимномъ сближеніи.

Я говорю именно о сближеніи, а не о сліяніи, не о возстановленіи разрушеннаго единства. Сліяніе было бы при настоящихъ условія ъ несбыточной мечтою, между тѣмъ какъ сближеніе, установленіе федеративной связи возможно вопреки всѣмъ организаціоннымъ и даже тактическимъ разногласіямъ. Между тактическими разногласіями самое большое мѣсто занимаетъ, конечно, придуманная редакціей газеты

„Впередъ“ диктатура, стремленіе къ которой грозитъ превратить Ленинскій ломоть партіи въ общество заговорщиковъ à la Бланки и бланкисты. Отъ соціальдемократовъ, не одобряющихъ этого вреднаго стремленія, разумѣется, нельзя требовать, чтобы они его поддерживали. Но надо надѣяться, что не всѣ же свои силы и средства ухлопываютъ „большевики“ на осуществленіе своего фантастическаго замысла. Надо думать, что они занимаются также и положительной работой революціонной агитаціи въ рабочей массѣ. На почвѣ этой положительной работы имъ можно и должно было бы федерироваться съ „меньшевиками“.

Я знаю, что это не легко; я помню, что

Es ist kein Zufall und blindes Loos,
Dass die Brüder sich wüthend selbst zerstören.

Легче верблюду войти въ игольное ушко, чѣмъ россійскому интеллигенту позабыть кружковую „склоку“. Какъ между „большевиками“, такъ и между „меньшевиками“ есть „товарищи“, которые будутъ всѣми неправдами поддерживать и подогрѣвать существующую вражду между организаціями. Но и тамъ, и тутъ есть люди другого нравственнаго закала, люди неравнодушные къ нашимъ партійнымъ несчастіямъ и съ горестью видящіе, какъ низко падаютъ наши акціи, благодаря расколу. Эти люди единственные, имѣющіе право называться соціальдемократами, должны высказаться громко и повелительно въ пользу сближенія. Теперь ихъ молчаніе было бы непозволительной слабостью.

А если ихъ усилія не приведутъ ни къ чему? Если разъединяющія вліянія окажутся сильнѣе? Вѣдь это очень возможно въ виду изображенной мною выше психологіи „россійской соціальдемократической рабочей“... интеллигенціи. Что тогда?

Тогда останется только одинъ выходъ: товарищи, не желающіе поддерживать, упрочивать и умножать наши раздоры должны будутъ стряхнуть „интеллигентный“ прахъ со своихъ ногъ и, примкнувши къ наиболѣе сознательнымъ элементамъ рабочей массы, объединяться на почвѣ положительной работы, предоставивъ „большевикамъ“ и „меньшевикамъ“ терзать и грызть другъ друга до тѣхъ поръ, пока отъ тѣхъ и отъ другихъ не останутся одни хвосты, какъ отъ двухъ дравшихся между собою кошекъ въ извѣстной легендѣ. Надобно же кому-нибудь спасти честь россійской соціальдемократіи!

Г. П. С. и „КРАЙНІЯ ПАРТІИ“.

Въ № 73 „Освобожденія“ г. П. С. старается доказать неосновательность обвиненій, выдвигаемыхъ нашими „крайними партіями“ противъ „земцевъ“ по поводу знаменитаго свиданія 6-го іюня въ Петергофѣ. Смыслъ этихъ обвиненій сводится къ тому, что гг. „земцы“ боятся выступить на революціонный путь въ такое время, когда выступленіе на этотъ путь безусловно необходимо, потому что ни на какія серьезныя уступки со стороны царскаго правительства разсчитывать невозможно. Г. П. С. думаетъ не такъ.

По его мнѣнію, ошибка людей, выдвигающихъ подобныя обвиненія, „заключается въ слишкомъ упрощенно-оптимистическомъ пониманіи русской роволюціи, которую будто бы можно сейчасъ мобилизовать, кликнувъ

достаточно громко революціонный кличъ. На самомъ дѣлѣ русская революція есть огромное, растущее стихійное движеніе, въ которомъ однако „грозныя народныя массы“ до сихъ поръ еще не пришли въ состояніе готовности къ мобилизаціи по чьему либо приказу. Сами соціальдемократы,—а съ ними вмѣстѣ и все освободительное общественное мнѣніе,—болѣзненно испытали это 1-го мая“.

Я не думаю и не думалъ, что народная масса *уже* пришла въ состояніе готовности къ мобилизаціи. Не возлагалъ я никакихъ преувеличенныхъ упованій и на майскую демонстрацію нынѣшняго года, какъ читатель можетъ увидѣть изъ моей статьи, напечатанной въ „Искрѣ“ и написанной именно *наканунѣ перваго мая*. Но тѣмъ не менѣе меня, признаюсь, довольно „болѣзненно“ поражаетъ ошибка, заключающаяся въ разсужденіяхъ г. П. С.

Вопросъ заключается не въ томъ, пришла, или не пришла народная масса въ состояніе готовности къ мобилизаціи. Было бы очень хорошо, если бы она *уже находилась въ такомъ состояніи*; но не бѣда, если она *только приближается къ нему* съ большею или меньшею быстротою. Весь вопросъ состоитъ въ томъ, сдѣлали-ли наши „земцы“ все отъ нихъ зависящее для того, чтобы *ускорить* это ея чрезвычайно важное историческое движеніе. А на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить иначе, какъ отрицательно: нѣтъ, гг. „земцы“ и вообще наши „либералы“ *ничего* не сдѣлали для этого, хотя должны были и могли *очень много* сдѣлать. Въ этомъ направленіи до сихъ поръ работали только наши „крайнія партіи“. И именно это обстоятельство даетъ этимъ послѣднимъ право смотрѣть на гг. „либераловъ“, какъ на людей, которые еще не созрѣли для серьезной политической борьбы.

Господа „либералы“ какъ будто и сами начинаютъ сознавать, что „*дѣйствовать*“ такъ, какъ они дѣйствовали до сихъ поръ, это значитъ *бездѣйствовать*. На съѣздѣ городскихъ дѣятелей въ Москвѣ г. Волковъ заявилъ, что время политической астрологіи прошло и что теперь нужно дѣло. Но что же предложилъ съ своей стороны рѣшительный г. Волковъ? Онъ предложилъ... составить адресъ съ изложеніемъ конкретныхъ требованій. Это называется начать за здравіе, а кончить за упокой. „Адресъ“—та же астрологія. Чтобы добиться свободы, нужно готовиться къ бою; а въ битвѣ побѣдитъ не тотъ, кто составитъ наиболѣе забористый адресъ и не тотъ, кто вооружится наилучшими резолюціями, а тотъ, кто сумѣетъ опереться на народную массу. Г. Мануиловъ говорилъ на только что упомянутомъ мною московскомъ съѣздѣ: „Намъ сулятъ свободу, но насъ бьютъ и убиваютъ“. Именно такъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже будетъ. Силы реакціи дѣятельно организуются для *контръ-революціи*. Теперь насъ бьютъ и убиваютъ, но все-таки сулятъ свободу; а потомъ придетъ такое время, когда насъ будутъ только бить и убивать, а на счетъ свободы посовѣтуютъ „всякое нынѣ отложить попеченіе“. Чтобы побѣдить *реакцію*, необходимо прямо и рѣшительно выступить на путь *революціонной борьбы*. Какова же первая, самая насущная задача революціонеровъ въ *нынѣшней Россіи?* Все та же *политическая агитація въ массѣ*. Когда гг. „либералы“ возьмутся за дѣло такой агитаціи, тогда,—*и только тогда*—лишится своего основанія, по крайней мѣрѣ, *часть* тѣхъ упрековъ, которыми нынѣ осыпаютъ ихъ „крайнія партіи“.

Г. П. С. продолжаетъ: „Паденіе самодержавія неизбѣжно, и оно

падетъ, конечно, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, подъ напоромъ всѣхъ революціонныхъ силъ, но 6-го іюня 1905 года „либерализмъ“ въ лицѣ Петрункевича, Родичева и товарищей могъ говорить авторитетно и увѣренно только опираясь на то общественное мнѣніе, которое онъ дѣйствительно выражаетъ, которымъ онъ владѣетъ и управляетъ“. Что вѣрно, то вѣрно, хотя если вы, гг. „либералы“, будете вести себя такъ, какъ вели донынѣ, то абсолютизмъ падетъ вовсе не вслѣдствіе *вашихъ* усилій. Но почему же „либерализмъ“ не могъ,—а онъ, въ самомъ дѣлѣ, не могъ,—говорить отъ имени народной массы? Да опять-таки потому, что онъ *не далъ себѣ труда сблизиться съ нею*. И тутъ нечего ссылаться на „процессъ“, еще не успѣвшій подготовить массу къ политической мобилизаціи. Вѣдь „*процессъ*“-то этотъ, господа, *отчасти — вы сами*.

„Вырвавъ у самодержавнаго правительства признаніе за собой права на оппозицію,—говоритъ г. П. С.,—конституціонно-демократическое общественное мнѣніе сможетъ теперь быстро и прочно расширить сферу своего дѣйствія и, сообщивъ революціонное сознаніе народнымъ массамъ, превратить русскую революцію изъ стихійнаго потока въ непреоборимое организованное движеніе“.

Вотъ какъ хорошо пойдетъ дѣло теперь, когда гг. „либералы“ примутся „сообщать революціонное сознаніе народнымъ массамъ“! Одно удовольствіе! Но скажите, г. П. С., неужели за это необходимое, великое и важное дѣло гг. либералы не могли приняться раньше, чѣмъ имъ удалось „вырвать у самодержавнаго правительства право на оппозицію“? Не потому-ли, что были склонны къ „политической астрологіи“? И не доказываетъ-ли это лучше всякихъ разсужденій, что упреки, дѣлаемые либераламъ крайними партіями, *совершенно основательны*? А вѣдь это какъ разъ то, что вы оспариваете [1]).

Восьмичасовый рабочій день въ англійскихъ государственныхъ мастерскихъ.

1894 г. въ мастерскихъ военнаго и морского министерствъ введенъ былъ въ Англіи восьмичасовый день. Теперь англійское правительство опубликовало результаты своего десятилѣтняго опыта по этой части. Считаю полезнымъ отмѣтить здѣсь эти результаты.

Въ указанномъ году въ мастерскихъ *военнаго* министерства занято было—главнымъ образомъ на знаменитомъ уличскомъ заводѣ, — 18,641 человѣкъ. Рабочій день и тогда былъ сравнительно не очень длиненъ:

---

[1]) Въ только что вышедшемъ 74 № „Освобожденія“ г. П. С., въ замѣткѣ: „Рождается нація“ привѣтствуетъ рѣшеніе московскаго земскаго съѣзда „*обратиться къ народу* и начать освободительную пропаганду и агитацію во всѣхъ слояхъ населенія“. Это—рѣшеніе, въ самомъ дѣлѣ, очень хорошее. Давно бы такъ! Но если хорошо то, что гг. земцы обращаются къ народу, то плохо то, что они *до сихъ поръ* къ нему не обращались. А г. П. С. и тогда ихъ похваливалъ, и теперь хвалитъ. Вотъ что называется реальной политикой, чуждой всякихъ утопій! „Крайнія партіи“ никогда не поймутъ преимуществъ этой благоразумной и удобной политики.

рабочее время простиралось до $53^3/_4$ часовъ въ недѣлю. Сокращеніе рабочаго дня до 8 часовъ не увеличило *издержекъ производства* и не уменьшило *общей производительности мастерскихъ*. Рабочіе, работавшіе преимущественно *поштучно*, продолжали зарабатывать столько же, сколько и прежде, хотя *расцѣнки не измѣнились*. Повысить заработную плату пришлось только тѣмъ рабочимъ, которые работали *поденно*.

Въ *морскомъ* министерствѣ до введенія восьмичасоваго дня работали $50^1/_2$ часовъ въ недѣлю. Число рабочихъ доходило здѣсь до 24,263; они трудились, главнымъ образомъ, въ верфяхъ. Отчетъ морского министерства показываетъ, что и въ этомъ вѣдомствѣ сокращеніе рабочаго дня не повело за собою увеличенія издержекъ производства, хотя и *здѣсь расцѣнки не были повышены*. Морское министерство замѣчаетъ, правда, что одновременно съ сокращеніемъ рабочаго дня имъ введены были въ своихъ мастерскихъ нѣкоторыя усовершенствованія *машинъ* и *сырого матеріала*. Но кто же помѣшалъ бы другимъ,—*частнымъ*,—предпринимателямъ дѣлать подобныя улучшенія въ случаѣ введенія у нихъ 8-часоваго дня?

Этотъ опытъ англійскаго правительства еще разъ показываетъ, до какой степени права международная соціальдемократія, утверждая, что въ нынѣшнихъ цивилизованныхъ странахъ уже существуетъ полная техническая возможность ввести 8-ми часовый рабочій день безъ уменьшенія національнаго продукта. Но и этотъ опытъ врядъ-ли помѣшаетъ буржуазіи этихъ странъ оставлять безъ вниманія выставляемое пролетаріатомъ требованіе „трехъ восьмерокъ“ (les trois huit) или даже отвѣчать на него полицейскими преслѣдованіями. Такъ велика пресловутая склонность гг. буржуа къ *„соціальной реформѣ“*.

Редакторъ-издательница: Марія Малыхъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Садовая, 119, кв. 6.

Типо-Литогр. „Герольдъ“, Вознесенскій пр., 3.